

18+Татяна Латукова

Ведьма в лесу

Татьяна Юрьевна Латукова

Ведьма в лесу. Ведьма 1.0

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29828321
ISBN 9785449045843*

Аннотация

Кольца времени соединяют загадочную историю усыновления и любовные похождения молодой женщины. Случайные встречи оказываются роковыми, а плетения богинь судьбы изрядно запутанными. Кто и почему убивает давно забытых любовников Риты Рогальской? Связаны ли убийства с ядом в бутылках вина? Имеет ли для убийцы значение то, что Риту называют ведьмой?

Содержание

Часть 1	5
1. День рождения	5
2. Семейный секрет	16
3. Книжная ярмарка	24
4. Журналист	37
5. Фотографии	45
6. Средний брат	50
7. Родные и близкие	60
8. Ведется следствие	69
9. Служебный роман	79
10. Неудачный визит	86
11. Чужие тайны	95
12. Белые халаты	104
13. Старший брат	118
14. Три ищайки	128
15. Любовный омут	137
16. Милый дом	144
17. Тупики и стены	155
18. Гейм овер	160
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Ведьма в лесу

Ведьма 1.0

Татьяна Юрьевна Латукова

© Татьяна Юрьевна Латукова, 2018

ISBN 978-5-4490-4584-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

1. День рождения

Изящная женская фигурка вскинула руки и закружилась в сложном рисунке танца. Желтая ткань юбки обвилась вокруг тонких ног летящей волной, переливающейся под светом юпитера. Сделав круг по площадке, танцующая девушка приблизилась и протянула ко мне руки. Я подалась к ней, но плотная густая темнота сковала мои неуклюжие руки и ноги, заставив отступить. Танцовщица снова закружилась под пронзительно грустную мелодию, легко очерчивая кончиками пальцев волшебный круг, внутри которого свет создавал иллюзию гармонии и счастья. Туда, туда, к ней, скорее, скорее же... Я протискивалась сквозь тяжелые волны тьмы, размывавшие чудесный образ, и опаздывала, отставала, удалялась от девушки в желтом. Плясунья рассмеялась знакомым и оттого причиняющим боль смехом, а затем словно растворилась во тьме...

Я осталась одна-одинешенька на краю мира...

Привидится же этакое. Почему видения так любят будоражить меня не в обычный будничный день, а именно тогда, когда я рассчитываю выспаться получше, чтобы выгля-

деть вечером как нормальная молодая женщина? Пусть я и не вполне нормальная молодая женщина.

У меня серые глаза, широкие скулы, длинная шея и тонкие пальцы рук. Я не красавица в общепринятом понимании красоты, но я – ведьма. Я умею заглядывать в прошлое. И предугадывать будущее. Знать настоящее. Не всегда и не для всех. Иногда по желанию. Иногда внезапно. Я не кручу спиритические столики и не всматриваюсь в хрустальные шары. Но как еще назвать свою способность чувствовать мир, не знаю. Не знаю, есть ли другие, такие же, как я. Не знаю, подозревают ли люди о моих способностях. Не знаю, является ли мой талант даром или проклятием...

Знаю, что сегодня моей лучшей подружке Осинке исполняется двадцать пять. И несмотря ни на что, я все-таки надену на ее праздник желтое платье с шикарной летящей юбкой, сколько бы снов о давно погибшей маме не подсовывало мне подсознание. Я люблю платья, я люблю желтый цвет, и желтые платья – моя явная слабость. Так что пусть хоть черт лысый пригрезится, все равно надену восхитительный желтый наряд от Милки Софриной.

Моя дружба с Осинкой – продолжение дружбы наших мам, когда случайно познакомившиеся женщины, настолько разные, насколько можно вообразить, из разных кругов, с разным отношением к миру продолжали общаться годами и десятилетиями. И то, что мы с Осинкой по-

шли тем же маршрутом – результат настойчивости тех же мам, которые напоминали нам обоим – позвонить, поздравить, поговорить – столько лет, что это вошло в привычку. В спасительную, как оказалось, привычку, потому что обоим нам пришлось повзрослеть быстро и в жестких обстоятельствах. Скачки по школам, которые устраивали нам родители, не позволили ни мне, тихоне и скромнице, ни Осинке, общительной веселушке, завести дружбу в естественной для этого среде. И когда мы обе оказались в одиночестве, привычка созваниваться стала основой не слишком откровенной, но бескорыстной дружбы.

День рождения моей подружки был задуман с королевским размахом. Большой модный ресторан, дорогое меню и алкоголь рекой, живые выступления попсы, Марик Кромов в качестве ведущего, не считая шоу мыльных пузырей и ночного фейерверка. Круг избранных гостей – знаменитости, политики, гламурные и светские персонажи. Плюс жесткий запрет на присутствие прессы, чтобы публика могла по-настоящему расслабиться. Такие сборища люди определенного склада стараются не пропускать – это же круто, статусно, понтово.

Вот только главной персоной на торжестве сама Осинка никак не предполагалась. Да и можно ли даже подумать о соперничестве с Ариадной Сергеевной Тернопольской? Это же наше все. Великая актриса, звезда экрана и громких теат-

ральных премьер, счастливая жена олигарха, экстраординарная красавица Ариадна в любом месте и любых обстоятельствах была женщиной номер один. Что могла противопоставить своей знаменитой маме неловкая Осинка со всеми своими комплексами неполноценности?

Однако своим появлением нам удалось произвести все же некий фурор. Я уговорила Осинку сделать вполне себе достойную прическу, макияж, а также приодеться в эксклюзивное платье, сотворенное все той же Милкой. Не то, чтобы Мила Софрина уже покорила подиумы мира, просто она сама была мне симпатична, и я подбила Осинку устроить «промо-акцию» платьев от «восходящей звезды» (то есть, по-человечески говоря, пока никому не известной звезды) русской моды. Во всем этом Осинка чувствовала себя неудобно, но, по крайней мере, перестала быть гадким утенком. В момент ее торжественного выхода к гостям Ариадна Сергеевна даже поперхнулась вином и одарила меня неодобрительным взглядом. Ох, боюсь, на этот раз я переступила черту допустимых проделок. Да и плевать, хоть наемся вкусностей до отвала.

За роскошным столом с мыслимыми и немыслимыми яствами я размышляла о жизненных метаморфозах. Поскольку я совсем не пью (в смысле алкоголя любыми способами избегаю), мне подчас бывает не по себе в сборищах вроде нынешнего, и остается только философствовать.

Вот сидит удивительная женщина, властительница дум

и мужских сердец. Сколько Ариадне сейчас лет? Сорокалетний юбилей был, кажется, в позапрошлом году? А двадцать пять лет назад она рожала свою задвигаемую в тень дочку в обычном роддоме, как все простые женщины, каковой, собственно, она тогда и была. И уже тогда ей было на три года больше, чем Осинке сейчас, поскольку я точно знала, что Ариадна была всего на год младше моей мамы. В сухом остатке получается, что великая Тернопольская мило распрощалась с десятком лет своей жизни.

Что такое десять лет, ерунда. В это десятилетие у Ариадны легко уместилось три брака, несколько звездных ролей в кино, инфаркт одного знаменитого режиссера, пара тихих разводов, и кто знает, что еще... Вероятно, моя мама была бы одной из тех, кто знал. Но... десять лет назад она насмерть разбилась на пустой подмосковной трассе.

Я как-то видела эту автокатастрофу во сне.

Белая машина летит по лужам на изъеденном трещинами и ямами асфальте, внезапно машина скользит, цепляет обочину, заваливается набок, а потом кувыркается вниз с насыпи. Тишина, только шум ливня, а потом столб пламени обращает тысячи капелек падающей с неба воды в горячий пар...

Отец верит, что мои заскоки начались после смерти мамы. Что я, как пришла в неуравновешенное состояние после ее смерти, так и остаюсь в нем до сих пор. Но заскоки начались намного раньше. Я даже пыталась объяснить маме, что подчас ощущаю и вижу. Мысленные образы часто не дают

никаких ответов, только плодят кучу новых вопросов. А маленькому ребенку хочется знать именно ответы. Увы, мне так и не удалось объяснить, что «чувствовать» иногда означает для меня нечто особое. Наверное, я попробовала бы так или иначе изучить свой дар в подростковом возрасте, но после смерти мамы было не до этого. А сейчас я уже слишком побаиваюсь таких «экспериментов».

Отец приехал на праздник Осинки, как на любое другое светское мероприятие, с опозданием, но с достаточным шумом, чтобы привлечь к себе внимание. Раньше его к Ариадне не приглашали, но теперь расклад изменился. Теперь мой дорогой папочка вещает со всех телеэкранов страны про разное непонятное в качестве ведущего эксперта по эзотерике, нло, темпоральной физике и проблемам поиска атлантиды (все это вместе взятое перемешать, взболтать и употреблять неокрепшим умам в качестве средства от интеллектуального запора). К тому же он с таким пафосом и драмой в голосе говорит о произошедшей в его жизни личной трагедии, что иногда мне кажется, что его и приглашают вовсе не ради рассказов о зеленых человечках. Людям нравится слушать о том, что можно истово любить всю жизнь одну-единственную женщину и сохранять эту любовь даже спустя десятилетия после смерти любимой.

Я не теряю надежды, что однажды он решит-таки возвести на пьедестал своей великой любви какую-нибудь живую

женщину. Во многом из-за того, что однажды мне привиделось, как отец с безумным взором стоит на коленях перед портретом матери в спальне и заклиняет ее о даровании ему свободы. Но это главная проблема видений. Иногда нельзя понять наверняка: видишь то, что есть, или то, что хочешь видеть. Умеешь угадывать то, что произойдет, или то, что происходит, оказывается результатом угадываний? А даже если правильно угадываешь, это все равно не приносит ни спокойствия, ни радости, только подчас ненужные знания, которые только мешают воспринимать мир таким, каким он кажется.

Начались танцульки, и мне в кавалеры навязался стареющий фотогений Дионис. Прекрасный пример случая, когда тайное знание чужой особенности напрочь лишает меня способности нормального общения. Дионис – гомосексуалист, в чем он даже сам себе не признается. Его одиночные редкие связи с мужчинами обычно глубоко засекречены, а сам он считает, что это очередное «бес попутал». Чтобы доказать себе собственную мужественность, Дионис соблазняет и ублажает женщин разными экзотическими способами. Женщины его обожают, мужчины избегают. Что нисколько не мешает Дионису быть своим в самых разных тусовках.

Вообще, зовут его Денисом Петровичем Шкуркиным. Но с виду он самый настоящий Дионис, даже поредевшая шевелюра вокруг плечи на макушке создает иллюзию венка

из виноградных листьев. А безобразные бесформенные рубахи, почему-то почитаемые Дионисом верхом моды, дополняют образ пародией на древнегреческую тунику. Во всяком случае, однажды он, еще в далеком детстве, привиделся мне именно в виде мифологического персонажа, да так им в моем восприятии и остался.

Все время, пока я позволяла Дионису тискать свою талию, он разглагольствовал о моей красоте. Вот не знай я, что ему моя красота до лампочки, пожалуй, приняла бы за чистую монету. Ну, или, хотя бы, попыталась принять: не каждый день тот, кто моделей на обложки выводит, комплименты моей форме носа расточает. Но истинное положение дел из головы не выкинешь, и я чувствовала себя полной дурой. Тупо улыбалась и томно закатывала глаза. Кажется, перестаралась, потому что Дионис, подводя меня обратно к столику, решил развить свою мысль перед Ариадной (ну перед кем же еще?):

– Посмотри, Ариадночка, как же Риточка похожа на покойную Машу. У нее такой же трагический разрез глаз, такая же аристократическая посадка головы. Ну, копия, лицо один в один. Ох, Маша, жаль не дожила ты на свою девочку полюбоваться.

Интонация Диониса выдавала, что он уже изрядно поднабрался.

Маша, то есть моя мама, была роковой брюнеткой с настоящими «черными очами» и шикарной косой до пояса. Я –

обычная среднерусская девушка: глазки серенькие, волосики русые и жиденькие (оттого и собранные в прямой и, надо признаться, куцый хвост), никакой «фемме фатале» и в помине. Так что сходство с мамой – просто обалдеть.

К моему удивлению, Ариадна попыталась остановить пьяную болтовню:

– Пока тихо, не буди лихо, незачем базарить глупости во всю глотку.

Краем глаза я заметила, как поморщился отец. Бедный мой папа, он не выносит, когда обсуждают покойную мамочку, а тут мало того, что ее помянули всуе, так еще и со мной сравнили. Настоящий кошмар, я понимаю. Жаль, но бестактная реплика Диониса выльется мне в очередной ледниковый период в отношениях с отцом.

– Не лезь к Риточке. Похожа, не похожа – какая разница. Маша ушла, и душа ее упокоилась на небесах. Ни к чему покойницу на празднике поминать.

Ариадна явно хотела заткнуть рот Дионису. Но его несло дальше:

– Эх, какие девчонки выросли! А ведь еще буквально вчера малявками здесь бегали. Ариадна Сергеевна, а ваша-то девочка какова: такая взрослая и такая красавица!

Великая актриса сверкнула грозным взглядом, но ничего не случилось. Странно, я была уверена, что Дионис испепелится прямо на глазах у всех. Все же, если Ариадна тоже ведьма, то добрая.

Осинка реплик Диониса не слышала, занятая болтовней с неким чувственным красавчиком. Ей явно шампанское в голову ударило. Только этим можно было объяснить неожиданные выверты бедра и взмахи руками, как у подстреленной чайки. Видимо, она преисполнилась мысли о том, что красавчик клеит ее, как самую очаровательную даму дня. Чуть позже придется обоих просветить. Осинку – насчет расценок красавца, а самого альфонса – касательно истинного положения дел в ее кошельке. Осинка почувствовала мои грязные мыслишки, демонстративно показала мне язык и увела красавчика в другую комнату. Что ж, она поспорила мне очередной стольник, хотя еще два часа назад жарко уверяла меня, что уж сегодня то ни за что не будет жертвой мужского обаяния.

Вечер катился гладко. Своим чередом выступили циркачи, почти голые певички, трубачи и саксофонисты, а также артист разговорного жанра в неадекватном серебристо-золотом костюме, от блеска которого болели глаза. Но мне хотелось уйти. Прочь от толпы, от ее коллективных мыслишек, касающихся только еды и похоти.

Я уже договаривалась с таксистом, когда ко мне снова привязался Дионис. Он слегка стиснул меня в своих объятиях, потом отстранился и жарко зашептал в самое ухо:

– Риточка, приезжай ко мне. Сделаем потрясную серию. Ты и твоя мать – одно лицо, эпохи разные. Не думай, денег

не возьму, выставку хочу сделать зимой, выставлю там всю подборку. Это будет сенсация!

– Да ну, дядя Денис, ты напьешься, приставать будешь.

– Когда я к тебе приставал? Нет, ты скажи? Я разве смею?

Вздохнув, я, думая, что вру, пообещала:

– Ладно, будет время – заскочу.

2. Семейный секрет

Спустя пару недель я действительно заскочила к Дионису. Не потому, что мне так уж хотелось позировать. Впервые после многих лет кто-то вдруг заговорил о маме, и я решила, что будет любопытно повыспрашивать Диониса о том, о сем.

Но Дионис был в творческом ударе. Поэтому он сразу начал громить шкафы в собственной студии, собирая барахло, которое, по его мнению, должно было что-то там символизировать. Старое-новое, мертвое-живое и тому подобное. В итоге он водрузил на меня черный парик под Мирей Матье и шляпу, увидев которую, любая красотка рококо скончалась бы от невыносимой зависти. Вместо платья мне пришлось облачиться в халат с множеством висящих лоскутов. По команде Диониса я то сидела на роскошном красном диване (снимок на этом диване для моделей Диониса – что-то вроде ордена «За заслуги перед фотографом», так что я собой возгордилась), то лежала на черно-белом ковре, то зависала над огромным подоконником.

Дионис снимал меня и раньше. Мое неузнаваемое под макияжем лицо засветилось даже на нескольких международных биеналле, но лишь теперь он вдруг стал по-настоящему одержим придуманным для меня образом и чем-то, что видел в окошке своей камеры. Я слышала возбужденный шепоток девчонок-моделей, которых парочка-другая всегда па-

сется в студии. Дионис творит! Гений! Фотограф века!

– Ты, Риточка, потрясена будешь. А еще говорят, от нас что-то зависит. Все, все уже заложено. Вот они, гены-хромосомы-днк. И руки у тебя, как у матери. С такими же длинными пальцами. Потрясающе!

Когда творческий азарт фотографа поостыл, я все же решилась выдать Дионису семейный секрет:

– Дядь Денис, ты только не обижайся, но то, что я похожа на мать, доказывает только то, что воспитание закладывает в нас куда больше, чем кажется.

– Не понял, к чему ты клонишь.

– Меня усыновили. В три года. Мы с мамой не родные друг другу.

Дионис долго смотрел на меня, склонив голову набок, а потом решительно отверг факты:

– Не может быть, чтобы не было никакого родства.

– Ну, бывают же люди-двойники. Наверное, она поэтому и заметила меня в детдоме.

– Почему я ничего об этом не знаю?

– Ну, изначально никто ничего не скрывал. Некоторые факты сначала тихо умалчивали, не афишировали. Потом за давностью лет все, что называется, быльем поросло.

– А твои братья?

– Их тоже усыновили. У мамы не могло быть детей.

Дионис молча дошел до бара, налил себе чего-то крепкого из пузатой бутылки, рывком опрокинул содержимое стакана

в рот, выдохнул, а затем тяжело высказался:

– Я поражен до глубины души. Правда. Потому что в этой истории кое-что не сходится. У тебя есть мамины фотографии?

– Дома есть. Но я туда соваться не буду. Ты же знаешь, мы с отцом не ладим. Мне его лишний раз злить из-за такой ерунды не хочется.

– Ладно, я как эти твои фотки сделаю, пороюсь в старых коробках, тогда ты сама все увидишь. Не может такого быть, чтобы ты была ей чужой. Ты по масти другая, это да, но в остальном сходство неоспоримое. Ты когда на вечеринке появилась, я прямо замер. У твоей матери тоже было желтое платье, и на мгновение я решил, что вижу ее призрак. Знаешь, она была необыкновенной, неземной, и я бы не удивился, если бы она превратилась в привидение. Я даже был разочарован, что это всего-навсего ее живехонькая дочь.

– Мне не по себе от твоих слов. Но спасибо. Ты хорошо знал маму?

– Ну, как тебе сказать. Тебя я вот хорошо знаю? Настолько, насколько мне камера позволяет. Ты – комнатный цветочек с хрупкими лепестками, вынужденный расти не в теплой уютной оранжерее, а на обочине скоростного шоссе. Ты выглядишь, как обычная девушка, каких полно в этом городе. Но все это – обман, потому что ты выносливей пустырника и вредней чертополоха. Ты разочаровываешь проявлением внутренней силы. А вот Маша всегда и везде была шикар-

ной розой. В любых условиях она завораживала чем-то таинственным, спрятанным между лепестков. Ее любили за красоту и одухотворенность, за страстность и гордость. Посмотри, как Ариадна пыжится быть неотразимой – так вот это она твою мать копирует, хотя и с успехом провинциальной мартышки из цирка.

Я невольно засмеялась, представив себе некую мартышку с чертами лица великой актрисы. Дионис улыбнулся и продолжил:

– У твоей матери было много обожателей, но она сама была замкнутой. С виду общительной, веселой, но не откровенной. Ариадна сейчас о великой дружбе глаголет, но кто знает, что было бы, доживи Маша до нынешних лет.

– А в ее великую любовь с отцом ты веришь?

– Да. Это было, как озарение с небес. Во всяком случае, с его стороны точно. Он глаз от нее отвести не мог. И готов был на все ради одной ее улыбки. Знаешь, это только звучит красиво, но на деле пугает. Прикажи она ему выпрыгнуть в окно, он бы, не задумываясь, прыгнул в тот же момент. Думаю, твою мать такая самоотверженность напрягала, потому что она всегда была очень точна в своих пожеланиях и просьбах. Зато никогда ни о чем не беспокоилась. Полагалась на отца. Сообщала ему о том, что нужно купить, достать, сделать, и забывала о проблеме.

– А мы, дети? Ты, правда, не знал об усыновлении?

– Милая, я не настолько стар, как тебе хочется это пред-

ставить. Я когда с твоими предками познакомился, ты уже в школе училась. Думаешь, меня волновало твое существование, не говоря о прочих тонкостях твоего бытия?

– Ты сказал, что у тебя есть мамины фото?

– Да, однажды я сделал для нее серию, но ей не понравилось.

– Пообещай, что как-нибудь найдешь их, ладно?

– Ритуля, я пообещаю хоть луну с неба, только это ничего не будет стоить, да ты и сама это знаешь. Но если тебя мать интересует, поговори с Ариадной, с отцом, узнай, как она жила, с кем общалась. Может, и ребус с усыновлением решишь.

Дионис быстро пропустил еще стаканчик. Все эти откровения явно охладили его художественный раж. Поболтав еще немного о своей будущей великой выставке, он меня откровенно выпроводил, пообещав прислать мои снимки, «как только я решу, что они готовы», и мамины старые фото, «если вдруг о них вспомню». По опыту я знала, что все это равновероятно может означать любой день от завтра до никогда.

Не сглупила ли я, раскрыв свое усыновление Дионису? Хотя, чего бояться?

Я узнала о том, что я – приемный ребенок, около десяти лет назад, через две недели после похорон матери. Однажды вечером, после проверки уроков, отец усадил меня за стол и своим фирменным деловым тоном поставил меня

в известность о том, что я — подкидыш. Меня, как и всякую подобную шваль, поместили в дом ребенка. Мама случайно увидела меня за забором этого мерзкого заведения, и я, подлое существо (трех лет от роду), обманным путем (состроив умильную мордашку) втерлась к ней в доверие. Отец был категорически против, но мама все же уговорила его забрать домой лживое отродье, из-за которого семье пришлось пережить множество неисчислимых бед (двойки за поведение, отиты, простуды, траты на платья и колготки)...

Истории братьев оказались примерно такими же, кроме одной детали — они были полными сиротами, их родители умерли, и в детском доме они оказались из-за того, что никто из родственников не пожелал взять малюток к себе. Костика усыновили в четыре года, и почти сразу за ним двухлетнего Сашу. Я в тот момент только появилась на свет и оказалась в доме Рогальских еще через три года...

Какое-то время после этих откровений я обвиняла отца в ненависти к нам, но потом поняла, что он был всего-навсего честен. Когда-то он принял нас, потому что так хотела мама, которую он безумно любил. Но без неё вытерпеть нас он не смог.

Двадцатилетний Константин сразу перевелся из престижного Московского Университета в захудалый провинциальный вуз Дальноресинска. Город был выбран наобум, но там же Костя и обосновался после окончания учебы. Проворачивая непонятные мне дела вокруг порта, он быстро

встал на ноги, обустроился и зажил размеренной жизнью предпринимателя средней руки.

Александр перетерпел несколько месяцев до восемнадцати и ушел в армию, чтобы после срочной службы завербоваться по контракту и начать воинскую карьеру.

С отцом осталась только я. Девочка-ведьма с фантазиями о неведомой женщине, материализовавшейся в одной отдельной точке пространства-времени лишь для того, чтобы произвести меня на свет. Я придумывала о ней разные истории. То она была глубоко религиозной женщиной, которая попала в неприятную историю с мужчиной и, зная, что возненавидит ребенка, выбрала противоречивое решение – родить ребенка и бросить. То я верила, что трепетная девушка родила меня от большой любви, но обстоятельства разлучили ее с любимым, и она оставила меня на время, пока ветер не переменится. Но он так и не переменился, несчастная попала в ужасные беды и умерла в горе и одиночестве, так и не увидев больше свою милую крошку (Диккенса я прочитала много позже).

Одно время я сделала из биоматери этакий женский вариант Робинзона Крузо: она попала в кораблекрушение и выживает на необитаемом острове только для того, чтобы найти и обнять меня со слезами.

Все эти самообманки не были предательством мамы. Только попыткой спастись в иллюзорном мире. Настоящий мир подчинялся железной воле отца. Два года я старалась

быть тихой и незаметной, чтобы только не нарываться на бесконечные нотации с неизменным выводом о том, что я могла бы лучше беречь память о маме. А потом оказалось, что все обязательства отец по отношению ко мне выполнил, и я могу быть свободна. Проще говоря, вольна катиться на все четыре стороны. Я и покатилась...

3. Книжная ярмарка

Дионис, сам того не желая, заронил мне в голову идею, которая росла, росла и выросла до того, что однажды в выходной день я встала с кровати, собралась, настроилась и отправилась туда, где рассчитывала встретить отца. Осинка, которую я активно агитировала составить мне компанию, заупрямилась, неопределенно ссылаясь на важную встречу. Ага, знаем мы эти встречи. «Здравствуй мой милый диванчик, как давно я тебя не видела». И все это с интонацией мамы дяди Федора, бросающейся на шею почтальону Печкину.

ВДНХ моего раннего детства все еще проглядывает сквозь рекламы и растяжки ВВЦ двадцать первого века. Фонтаны, павильоны, аллеи – когда-то мама приводила меня сюда покататься на аттракционах. Мы тогда жили совсем недалеко, в скромной девятиэтажной панельке. До великих книг отца было еще несколько лет.

Я мгновенно перенеслась в прошлое и увидела изящную красивую женщину, кружащую на руках маленькую девочку в яркой желтой курточке. Малышка заливисто расхохоталась – обычно такой смех вызывает у окружающих неприязнь, в нём слишком много веселья, слишком много эмоций, слишком много детской необузданности. Пара милых старичков резко снялась с насиженной лавочки и отправилась

восвояси. Женщина все кружила ребенка...

А я все еще стояла на одной из аллей ВВЦ. Да, это было точно здесь. И даже лавочка стоит на том же месте. Нет, уже не та самая: старые лавки были такие закругленные, длинные, располагающие к долгим посиделкам. Сейчас же на старом месте стояла скорее скамейка. На такой уже не получится часок посидеть, почитать газету с комфортом. Так, лишь на бегу присесть на полминутки поправить обувь.

От глупых мыслей о лавочках я вернулась к размышлениям о маме и задумалась, была ли я ребенком в желтой курточке? Зачем меня посетило это видение?..

Я прибавила шаг и вошла, наконец, в павильон книжной ярмарки.

Книжки, книжки, еще книжки. Натыкаясь на спины и наступая на ноги, я машинально бормотала извинения, пробираясь все дальше, все глубже, к не слишком приметному стенду, где должна была быть выложена новая книга отца. «Теория взаимодействия между информационными струнами пространства и электрическими сетями человеческой цивилизации».

Я не физик, но с моей точки зрения все, что писал и пишет отец – бредятина. Мое мнение, разумеется, не мешает ему публиковаться приличными тиражами, выступать с мутными речами в передачах по зомбоящику и даже читать лекции перед собраниями вроде «Общества поддержки иноземных цивилизаций» или «Движения за экологию против тех-

ногенных изменений планеты». Недавно отец даже стал академиком, правда не той самой Академии наук России, а всего лишь академиком РАН (Российской академии эзотерических наук), эдакого места, где любой может стать академиком. Но в разговоре это ему не мешает скромно упоминать. «Я все-таки академик».

Я увидела отца издалека. Высокий мужчина с благородным лицом хорошо поставленным голосом произносил речь, наполненную мудреными словами. Я не понимала и половины из них. «Импринтинг», «дискретность», «солипсизм», «дифференциальность», «гендерность» – судя по умным лицам толпы вокруг, идиоткой была я одна. Ох, учиться надо, учиться.

Смиренно дождавшись окончания речи, я болталась рядом с выставочным стендом еще битый час, прежде чем улучила момент и подошла к светилу новой научной мысли. Светило немного перекошилось в лице, но затем спохватилось и изобразило вежливый интерес:

– Вот уж никак не ожидал тебя здесь увидеть. Заинтересовалась серьезной литературой?

– Пап, я хотела повидаться с тобой.

– Здесь достаточно много людей, которые собрались для этого. Тебя интересует что-то конкретное?

– Я давно не была дома. Может быть, у тебя будет минутка, чтобы я могла ненадолго заскочить. Пожалуйста.

– Ты ходишь кругами. Так и не научилась излагать свои

просьбы в доступной форме. Что конкретно тебя интересует?

– Я хотела бы посмотреть мамины фотографии.

– О, Господи!

В голосе отца зазвучали явные укоряющие нотки, хотя в целом тон оставался спокойным. Ведь вокруг было много публики.

– Маргарита, я был бы тебе благодарен, если бы ты не стала выкладывать свои ерундовые проблемы в столь ответственный для меня момент. Ты должна понимать, что от презентации этой книги зависит многое в моей профессиональной жизни.

Все заготовленные слова застряли у меня в горле. Я безнадёжная дура. Зачем я сюда приперлась? Разве я не знала, что так и будет? С языка по привычке рвались оправдания и извинения, но мне удалось подавить этот рефлекс и вместо лепета «невиноватая я» выдать:

– Отец, подари мне книжку с твоим автографом? Мне было бы приятно показать ее друзьям.

Кажется, мне удалось его удивить. Здорово так удивить. Мое отношение к его великим открытиям в области физики и информатики не было секретом. Поэтому просьба выглядела неожиданно выкинутым белым флагом. Отцу понадобилось с полминуты, чтобы обмозговать сказанное. Наконец, он протянул мне экземпляр книги, но не преминул добавить:

– Маргарита, в твоём возрасте не стоит зарабатывать авто-

ритет за счет известности отца. Хвастаться книгами родителей свойственно подросткам, а ты все же взрослая женщина.

Тонко подмечено, отец. Как бы мне теперь поаккуратнее дать задний ход и выбраться отсюда? Отец продолжил сеанс моего воспитания:

– И еще хочу дополнительно заметить, что ты могла бы выбрать менее загруженный день для посещения. Я должен успеть пообщаться со всеми. Ведь от успеха книги зависит и твое будущее тоже.

Я ни в чем не зависела от отца последние десять лет, с тех пор как по его вежливой просьбе ушла из дома. Да и в самом «доме» я была за это время считанное количество раз, неизменно с папиного высочайшего позволения и только в ситуациях, когда обстоятельства подпирали. Но я знала, что перед своими друзьями он выставляет меня этакой вечно маленькой девочкой, капризулей и, в некотором роде, лентяйкой. Почти все его знакомые убеждены, что он до сих пор полностью меня содержит. А я никогда не опровергала его слова. Зачем? Прослыть еще и неблагодарной? В конце концов, ему пришлось терпеть меня долгие годы. Пусть говорит, что хочет, мне все равно.

– Да, пап, ты прав, конечно. Извини. Я уйду, до свидания.

Торопясь оказаться как можно дальше и как можно быстрее, я не заметила выскочившей мне наперерез массивной

тетечки, в результате чего получила мощный импульс и отлетела в чей-то упругий живот. Тетечка не замедлила пошипеть что-то малоцензурное, и я автоматически увидела в ее рту пару перекошенных и полуразрушенных нижних зубов. Бедненькая, ей очень больно. Что ж, я не обижаюсь, мне действительно жаль, что я вас задела, простите.

Повернувшись, я посмотрела на того, кто так удачно предотвратил мое падение.

Мужчина был немного выше меня, но шире в плечах раза в два. В нем было что-то такое спортивное, крепкое. Некрасивое лицо с резкими чертами смягчалось добрым выражением внимательных карих глаз.

Да еще каких глаз! Я вдруг на долю секунды представила себе эти глаза смеющимися, счастливыми, смотрящими на меня с любовью...

Внутренний голос оказался начеку: «Рита, у тебя сегодня „день идиотизма“? Такие порывы добром не кончаются. Ходу отсюда, быстро! Быстро, быстро, ногами шевели, на выход, бегом!...»

Мужчина чуть склонил голову набок и протянул мне руку:
– Кирилл.

Силы небесные, я что, еще и коснуться его должна? Может, закосить под сумасшедшую и сбежать?..

У него теплая приятная ладонь. Трудится на интеллектуальной ниве, но не чурается физического труда по выходным. Где-то есть домик в деревне. Простой, но уютный. На-

стоящий. Именно туда ему очень хочется сбежать отсюда прямо сейчас...

– Ау, ты забыла представиться.

Хороший голос. Уверенный, но без властных ноток. И сразу на «ты». Мило.

– Рита.

Отпускать его не хотелось. Хотелось так и стоять, впитывая чужую уверенность и спокойствие. И вот эту тягу к дому. Стремление к конечной точке на земле, которая называется домом.

Он первым отпустил мою руку и спросил:

– Нашла, что искала?

Я не сразу поняла, о чем это он. И только по смеси недоумения и легкого презрения на его лице поняла, что он разглядывает книжку отца. Значит, он тоже не верит в информационные струны. Но пускаться в объяснения было бы нелепо.

– Да, нашла.

– Я ухожу. Подвезти тебя?

Никаких лишних слов. И все сказано. Я точно влипла. Надо было сразу бежать. Но теперь уже поздно. Теперь эти карие глаза обладают властью сделать со мной все, что захотят. Интересно, он хоть немного догадывается, насколько я уже влипла?

Удобно устроившись на переднем сидении огромной машины, я немедленно принялась рефлексировать на тему

«что делать, чтобы все не испортить». У меня было не так уж много романов, и все они кончались примерно одинаково: моими слезами и размышлениями на тему собственной женской несостоятельности. Обычно мужчины после непродолжительных отношений выставляли меня из своей жизни и вздыхали с облегчением. К тому же несколько лет я сознательно уклонялась от любых романтических историй и теперь с ужасом поняла, что понятия не имею, о чем нужно говорить и как себя вести.

Кирилл уверенно управлял автомобилем, время от времени поглядывая на меня, словно пытаясь удостовериться, что я не испарилась. И сколько времени мы уже так едем? И куда?

Зазвонил мобильник.

Почему у меня всегда так? Чертова электроника. Проклятые мобильники. Ненавижу звук звонка. Почему люди всегда звонят мне, если у них проблемы?

В трубке глухо звучал голос Осинки:

– Рита! Риточка! Помоги! Пожалуйста, Ритка, помоги! Мне очень плохо. Я отравилась... Никого больше нет. Приезжай...

Я засунула телефон поглубже в сумку и попросила Кирилла:

– Останови здесь.

Мысли скакали галопом. Позвонить Ариадне – пошлет на три буквы. Однозначно. Осинка уже вешалась. И резала

вены. Великой Тернопольской было на это наплевать. Теперь отравление. Неужели из-за альфонса? Вроде до статуса великой любви очередное увлечение Осинки еще не доросло? Или я что-то пропустила?

Кирилл притормозил у какого-то ларька и повернулся:

– Так куда едем?

Он не собирался меня отпускать. Что ж, я его за язык не тянула.

– На набережную Яузы.

Огромный дом, где жила Осинка, всегда казался мне похожим на монету. С одной стороны он был исполнен добропорядочности: недалеко река, рядом сквер с большими тополями, гуляют люди с колясками, сидят старушки. Но другая сторона, нависающая над железнодорожными путями и станцией, собирала возле себя все пороки мира.

Я коротко и четко командовала Кириллу, куда поворачивать, но когда машина, наконец, притормозила возле подъезда с массивной дверью, замаялась.

Кирилл улыбнулся и, быстро выскочив из машины, галантно распахнул дверь с моей стороны:

– Добро пожаловать домой?

Я отрицательно покачала головой:

– Это не дом. Здесь подруга. Она отравилась.

Выражение его лица стало серьезным:

– Я пойду с тобой.

Надо было возразить, но я боялась. Я чувствовала беду. Большую беду...

На долгий звонок никто не откликнулся. Я вытащила из сумки маленькую пилку для ногтей и привычным жестом подцепила хреновину в глубине замочной скважины. Я научилась этому, когда Осинка была еще студенткой, и иногда я забегала к ней переночевать. Дверь распахнулась, и я вошла в одно-единственное огромное помещение.

Осинка лежала прямо посередине большого круглого ковра, все еще держа в руках телефонную трубку. Белая как мел и отвратительно воняющая. Все вокруг было уделано ее рвотой. Усилием воли я отключила обоняние и быстро опустилась рядом с телом на колени.

Руки холодные, сердце бьется. Жива. Пока. Продержится еще пару часов, но нужны антидоты. Я закрыла глаза и взяла ее за обе руки. Чем ты травилась, Осинка, расскажи мне. Объясни, это важно. Покажи мне этот яд, я должна знать.

Большая комната-студия. Дурацкий проект самой Ариадны. Снесены все перегородки, включая и те, что создавали подобие интимности в санузле. Медная ванна стоит на постаменте, который чуть загораживает, но не закрывает целиком антикварный стульчак, сразу за которым начинается пандус барной стойки. Круглое ложе задвинуто в угол. Красивое на картинках, оно жутко неудобно в качестве кровати. Спать можно только одному и посередине. В любых других

вариантах какая-нибудь часть тела обязательно сваливается.

Мужчина слез с шелковой простыни и сразу затиснулся в чрезмерно узкие джинсы. Быстро одевшись, он направился к выходу, не обращая внимания на полуголую женщину, оставшуюся в постели. Хлопнула дверь, и только тогда Осинка неловко слезла с кровати. Помятое лицо, грустные глаза... Зачем спать с мужчиной, если потом так себя презираешь?

Подружка натянула коротенький халат, затаилась сигаретой и потянулась рукой за тумбочку. Там оказалась початая бутылка вина. Осинка сделала несколько жадных глотков прямо из горлышка бутылки. Умница. Пила бы понемножку маленькими глотками, я бы уже черное платье заказывала...

Кто-то тряс меня за плечи. Кирилл. Он здесь. Не сбежал сразу, это здорово.

– Рита, очнись, я обо всем договорился. Мы отвезем ее в больницу.

– Хорошо.

Я вынула из резного винтажного комода чистое полотенце и через него осторожно вынула из щели бутылку. Все мое существо протестовало против приближения к опасному предмету, пришлось в очередной раз доказать собственному организму, что главное – мозги. Доставим яд в больницу, а там пусть медики разбираются, наверняка у них есть какие-нибудь лаборатории.

Кирилл без всякого смущения и сомнения поднял грязное

тело Осинки на руки и уверенно вышел на лестницу.

– Рита, пошли, не стоит медлить.

Я вдруг представила себе, как было бы здорово, если бы Кирилл подхватил бы на руки меня... Подруга помирает, а я думаю о том, как бы прыгнуть на руки к мужику. Молодец.

Через час с небольшим мой мир вернулся в относительное равновесие. Осинка лежала в специальной палате, опутанная капельницами и проводами. Опасности для ее жизни больше не было. Мы с Кириллом стояли рядом возле небольшого парапета у приемного покоя. Стояли и молчали.

Я думала о том, как поблагодарить Кирилла. Косилась на случайного знакомого и не могла подобрать слов. «Ах, не знаю, чтобы я делала без тебя!» или «Ты мне так помог, так помог!» явно не подходили. Я бы спасла Осинку и без него. Наверное. Но все же его помощь оказалась очень кстати...

Мы все молчали и молчали. Потом я ограничилась коротким:

– Спасибо, Кирилл.

Возникла пауза, словно мы оба ждали друг от друга каких-то еще слов. Наконец, решив заговорить, мы начали одновременно и снова замолчали. Потом, пользуясь моим теперь уже твердым решением молчать хоть до третьего пришествия, Кирилл заметил:

– Я боялся, ты произнесешь длинную речь: «...не знаю,

чтобы я делала без тебя. Ты мне очень помог...» Столько смысла в одном простом «спасибо». Я рад, что оказался здесь. И рад, что довелось помочь.

Я молчала, собираясь с мыслями, чтобы выдать что-нибудь финальное, вроде «До свидания».

К воротам больницы подкатила кавалькада машин. Из второй вперед всех охранников выскочила Ариадна и бросилась бежать по широкой аллее к крыльцу. Вахтер маленькой сторожки на въезде попытался было выскочить вслед за ней, но тут из джипов посыпались дюжие молодчики, и он сразу утратил к происходящему активный интерес.

Кирилл изумленно вгляделся в приближающуюся женщину:

– Господи, мне не мерещится? Это же...

– Да, только не болтай журналистам. Пожалуйста.

Ариадна вцепилась в меня с неожиданной силой, и я едва удержалась на ногах.

– Где? – выдохнула она, и я, бросив Кириллу короткое «Пока», повела ее наверх, к палате реанимации.

Только через несколько часов, когда машина охраны Ариадны притормозила в Крысино, чтобы меня высадить, я сообразила, что понятия не имею, как теперь найти Кирилла.

4. Журналист

Когда я добралась до своей каморки, было шесть утра. Спать хотелось до чертиков, но спала я плохо. Заблокированная на время память стала услужливо прокручивать случившееся с Осинкой. Обрывки впечатлений, кусочки информации. Осинка повесила новые бежевые шторы, я их еще не видела. Часы в стиле барокко потеряли левую завитушку, отчего стало сразу понятно, что это пластиковая подделка. Рюмки для шампанского были приготовлены, но не использованы. Осинка, хоть и строила из себя богемную даму, разухабистым стилем поведения иногда больше напоминала простую синьку, хлещущую алкоголь из горла.

Две самых важных мысли я откладывала на потом до предела. Но совсем выкинуть их из головы не получалось. Во-первых, Осинка на этот раз слишком далеко зашла. Следующая попытка может оказаться удачной. Во-вторых, ну почему именно в этот злополучный день я должна была встретить Кирилла? Вот можно представить себе что-нибудь менее романтическое для первого дня знакомства, чем чье-то заблеванное тело, которое нужно тащить в больницу?

Немудрено, что Кирилл и не подумал продолжать столь специфическое знакомство. Хотел бы, сразу взял бы телефон. Их, мужчин, этому учат. Так прямо и вдалбливают: «увидел, влюбился, телефон». Если сам не спросил, а я, рас-

тяпа такая, сама не навязала, значит все, адью, не сложилось.

Кирилл снился мне в виде какого-то светлого расплывчатого образа с неопределенными чертами, и я шептала ему во сне что-то нежное. Но проснувшись, я со смущением поняла, что действительно не помню его лица. Только добрые карие глаза. И резкую линию скул. Вот помнить чужие штормы – это да, помню со всеми складочками. А вспомнить, во что был одет любимый человек – это для моих запутанных мозгов непосильная задача.

Почему я обратила внимание на часики, а вот в чужую машину села, даже не взглянув на номер? Ладно, номер, я и на марку внимания не обратила. Большая черная машина. Типа внедорожник. Буду останавливать все подряд, заглядывать с надеждой в окно и ласково спрашивать: «Кирилл?» Интересно, как быстро меня упакуют в соответствующее заведение? Или войду в историю городского транспорта под кликухой «Кириллова ведьма»? Будто мало мне других кликух...

Я стояла в павильоне книжной ярмарки ровно на том же месте, где врезалась в Кирилла позавчера. Переминаясь с ноги на ногу, я смотрела на двери главного входа и мяла в руках бумажку с телефоном. В абсолютно пустой голове не было ни видений, ни мыслей. Только тупая перекличка маленьких барабанчиков: «Придет – не придет, увижу – не увижу, узнаю – не узнаю».

К сожалению, первым, кто меня увидел, оказался отец. Видимо, он решил лично присутствовать возле стопки своего бесценного творчества каждый день, завлекая в свою интеллектуальную секту побольше адептов информационных струн. Несколько секунд отец надеялся, что я неприятная, но галлюцинация. Потом понял, что глаза его не обманывают, и пришёл в крайнее раздражение. Мгновенно раздвинув толпу, он направился прямо ко мне и с упреком спросил:

– Зачем ты на этот раз пожаловала? Мне казалось, мы поняли друг друга в прошлый раз? Я что-то непонятно изложил? Ты могла бы быть более внимательной к моим просьбам.

– Здравствуй, папа.

Уголок мужественного рта отца чуть дернулся. Он не любил, когда его называли на людях столь фамильярно, по-домашнему. Я это знала. Он знал, что я знаю, ну и так далее. Обычно я всячески ухажу от любых конфликтов, поэтому такое отступление от правил его напрягло. И все же я поспешила объяснить:

– Видишь ли, я не к тебе. Я ищу одного молодого человека.

– Почему надо выбирать такие нелепые места для встреч? Он что, совсем бедный?

Вопрос денежности моих потенциальных женихов всегда волновал отца в первую очередь. Несмотря на всю велеречивую патетику и призывы к альтруизму, которыми изобило-

вали его книги, в жизни отец был абсолютным прагматиком. И в отношениях со мной и братьями никогда не стеснялся задавать прямые вопросы.

– Я не знаю, бедный он или нет. Как раз собираюсь выяснить.

– Думаю, имеет смысл делать это в первую очередь.

– Ты бедность мамы тоже проверял в первую очередь?

Вот кто меня за язык тянул? Вот объясните мне, зачем дергать тигра за усы? Ясное дело, отец сразу сошел с катушек. Но как истинный интеллигент не позволил себе треснуть меня по башке. Припечатал словесно:

– Рита, ты ведешь себя как гормонально неустойчивый подросток. Позволь напомнить, что тебе двадцать пять лет. Ты – взрослая молодая женщина и подобные выпады тебе не к лицу. Прощаю тебе твою грубость, но, пожалуйста, избавь это место от своего присутствия.

Отец окатил меня презрительным взглядом, но не ушел, как я надеялась, а демонстративно встал в позу ожидания. Что может сделать кролик перед удавом? Позорно отступить, конечно. Я осторожно попятилась, не решаясь сразу покинуть заветное место и в то же время показывая отцу, что да-да, я вот уже ухожу, ухожу. Когда отец все же повернулся и ушел, сзади раздался уверенный голос Кирилла:

– Рита, ты что, всегда перемещаешься спиной вперед?

Я обернулась, и мне вдруг отчаянно захотелось броситься ему на шею. Может, он это правильно поймет? Увы, я только

протянула ему руку с зажатой бумажкой:

– Это мой номер телефона.

Карие глаза смотрели на меня с веселым изумлением. Кажется, я переборщила с простотой подхода. Кирилл быстро внес цифры с бумажки в свой мобильник. И сразу набрал номер.

Затренькал мой телефон. Я машинально нажала отбой, и Кирилл засмеялся:

– У тебя мой номер определился? Запомни его.

Оторвавшись от телефона, я поняла, что Кирилл решает в голове какую-то сложную проблему. Наконец он молча взял меня за руку и повел за собой. Люблю решительных мужчин. Все эти лишние «Дорогая, не будешь ли ты так любезна последовать за своим повелителем» в действительности утомляют.

Кирилл привел меня к стенду сравнительно нового независимого издательства «Григорион». Молодой человек с козлиной бородкой шагнул нам навстречу:

– Ну, нашел свою очередную фею?

О-о, это я – фея? Мило. Но «очередная», конечно, обидно.

В глазах Козлиной бородки плеснулось острое неодобрение. Я вдруг увидела себя его глазами: этакое красивое, но глупое существо, томно хлопающее глазами и полное самомнения, хотя ничего в действительности из себя не пред-

ставляющее. Понятия не имеющее, как сварить сосиски, и уж тем более не знающее, что полы иногда моют. Цепляющееся за мужчин, словно растение-лиана, и намертво обвиняющее его ветвящимися побегами.

Козлиная борода уже видел Кирилла, сосредоточенным на удовлетворении глупых капризов «феи» и оттого начисто потерянным для мира.

Значит, Кирилл предпочитает подружек-фей? Я на мгновение задохнулась от острого чувства ревности. Мысль о другой женщине рядом с Кириллом резала ножом. Фея. Неземная, воздушная фея... Я знаю, как варить сосиски. И по части чистки полов я много чего знаю. Но смогу ли я быть доброй волшебницей? И надолго ли меня хватит?..

Кирилл не слишком деликатно вытолкнул меня вперед, и я смело протянула руку Козлиной бороде:

– Рита. Я – ведьма. Но если надо, нафеячу от души. Обращайтесь.

– Идальго Мигель.

– Буэнос диас, Мигель.

– Буэнас, буэнас. Буу-эээ-нас.

Отчего-то я раздражала Мигеля.

Идальго было ввернуто для красного словца, но парень оказался действительно Мигелем – потомком переселившихся в Союз испанцев. После нескольких дежурных фраз мужчины перешли к трескотне на темы какой-то публикации в журнале. Отвлекаясь от беседы, я прошлась вдоль

стенда и вдруг обратила внимание на один из буклетов. Взяв его и рассмотрев поближе, я с трудом удержалась от истерического смеха. На обороте буклета были расположены фотографии популярных авторов с краткими анонсами статей. На одном из фото был вполне узнаваемый Кирилл Весенин, а аннотация гласила, что это один из перспективных молодых репортеров, завоевавший премию имени там кого-то.

Я вспомнила свою вчерашнюю фразу: «Не болтай журналистам». Вот это высказалась, так высказалась. Одно хорошо – судя по всему, Кирилл не писал для желтой прессы.

– Рита, пошли!

Я быстро кивнула Мигелю на прощание и вслед за Кириллом стала пробираться сквозь толпу к выходу.

Открыв передо мной дверцу машины и галантно поддерживая меня под локоть (хорошо, что я с перепугу его этим локтем не двинула), Кирилл небрежно спросил:

– У тебя много подруг?

– Нет, парочка. Одну мы вчера оттащили в больницу, а вторая почти нормальная.

– А родственники есть?

– Вообще, конечно, есть. Но они далеко.

– Поехали ко мне?

– Хорошо.

Кирилл жил в скромной пятиэтажке в отдаленном районе. Но квартира была только что отремонтирована. И почти половину единственной комнаты занимала новая шикарная

кровать. Нет, «кровать» – слишком примитивное определение. Это было королевское ложе.

На несколько мгновений мной завладела неуверенность. Я долго была одна. Но затем темная сторона меня послала все сомнения к черту. Я достала из сумки телефон, отключила его и положила на барную стойку, уходящую по сложной траектории вглубь кухни. Кирилл небрежно бросил рядом и свой выключенный мобильник. Больше мы ни на что тратить время не стали – провели несколько блаженных часов в объятиях друг друга.

Уже вечером, полюбовавшись спящим мужчиной напоследок, я тихо вышла и в наступающих сумерках поймала такси. Не то, чтобы мне хотелось домой, нужно было немного времени, чтобы перевести дух. И я знала, что вернусь.

5. Фотографии

Кирилл был терпелив и настойчив, но к полудню дошел до иступления. В справочнике забытого Ритой телефона было около сорока номеров. Двадцать четыре оказались телефонами разных компаний. Вежливые секретарши понятия не имели ни о какой Рите. Риты у них не работали. Точнее, трех Рит он все-таки нашел, но они оказались совсем не теми Ритами. Три номера были выключены или вне зоны действия.

Двадцать восьмой номер был его собственный. Записанный под обозначением SKV.

Борясь с желанием раздолбить чертову коробочку о стену, Кирилл набрал двадцать девятый номер, названный TLP. Ответил вежливый голос, от которого веяло холодом и раздражением:

– Рита, чего ты добиваешься? Я ясно выразился – у меня нет времени на твои глупости. Займись своими делами и перестань меня дергать. Между прочим, сейчас рабочее время, и я занят решением важных проблем.

Вот урод. Кирилл поймал себя на остром желании найти этого придурка и въехать ему по морде. Неужели это что имеет значение для Риты? Мысль была нестерпимой. Нет, этого не может быть.

– Простите, но я не Рита. Она оставила у меня свой мо-

бильник, и я хотел бы с ней связаться, чтобы вернуть его. Вы не подскажете, как я могу ее найти?

– Молодой человек, прежде чем звонить по всем подряд номерам, следовало бы подумать о том, что некоторые могут оказаться приватными, для экстренных случаев. И не предназначенными для идиотских звонков вроде вашего. Прежде чем приводить к себе подружку, можно было бы лучше узнать ее, верно? Тогда не пришлось бы разыскивать ее таким нелепым образом.

Трубку повесили.

Энергично побоксирав воздух минут пять, Кирилл принялся методично звонить дальше. И снова объясняться с секретаршами.

Третий номер от конца – XNA – оказался недействительным. Повезло на предпоследнем номере – ZOV.¹ Ответила девушка, которая, вникнув в ситуацию, устроила журналисту небольшой допрос. Но и удовлетворив свое любопытство, Изабелла (так представилась телефонная незнакомка) не смогла дать никаких координат Риты. По ее словам, телефон был единственной ниточкой, связывавшей Риту с миром. Адреса девушка не знала. Электронной почтой и прочими нормальными средствами связи Рита не пользовалась. Единственное, что удалось Изабелле, это процентов

¹ Что означают коды в мобильнике Риты: TLP – Твой Любимый Папа (Евгений Рогальский), SKV – С Книжной Выставки (Кирилл Весенин), XNA – Осинка (Олеся Блюнтер), ZOV – Зотова (Изабелла Зотова)

на 75 убедить Кирилла в том, что Рита хорошо запоминает номера. И уж точно догадается позвонить на собственный телефон, как только обнаружит его отсутствие. Это могло произойти не так скоро, но зато наверняка.

Узнав полное имя подружки – Маргарита Евгеньевна Рогальская, Кирилл сделал несколько тщетных попыток найти о ней что-нибудь в интернете. Зато выяснил кучу самых разных фактов об авторе книжки, которую Рита забыла у него в машине. Не было никаких сомнений, что именно этот занудный тип, приходящийся Рите отцом, скрывался под загадочным обозначением TLP.

Системы в обозначениях по-прежнему не просматривалось, но жить стало немного веселее. Ради интереса, он обзвонил оставшиеся номера. Один не отвечал, а еще два опять же были телефонами компаний.

Резюме оказывалось не слишком веселое. Безликая работа. Странная подружка. И скучный папаша, читающий Рите нотации. Ничего, разберемся.

В конце рабочего дня телефон ожил, выдав замысловатую серию трелей. Мягко грассирующий голос сообщил, что ждет Риту сегодня же, потому что получившиеся фото превзошли все самые смелые ожидания. Кирилл объяснил, что завладел телефоном по стечению обстоятельств, а потом, вдруг решившись на маленькую авантюру, сообщил, что постарается подъехать вместе с Ритой. Но даже если он ее

и не перехватит, то придет один, так как не может усидеть на месте, зная, что фото все-таки готовы.

Записав адрес и на всякий случай списав с определителя номер телефона фотографа, Кирилл бросился узнавать все, что можно было узнать про Дениса Шкуркина. Знания оказались разнородными и противоречивыми. И остаток времени до встречи с фотографом в голове Кирилла бились самые невероятные предположения.

До шести вечера Рита так и не позвонила. Кирилл отправился к фотографу один. Денис оказался совсем не тем человеком, которого он ожидал увидеть. Но фотографии превзошли все его самые смелые ожидания. Он весь день боялся, что может не узнать ее. Представляя девушку, он осознал, что хорошо запомнил только ее серые глаза и пленительную линию рта с мягкими губами. Но увидев первую же фотографию Риты, он понял, что теперь вряд ли сможет забыть это выразительное лицо. Денису удалось схватить разные оттенки эмоций девушки: на снимках она то чуть печалилась, то хмурилась с раздражением, то весело улыбалась. И везде Рита завораживала.

Денис отложил в отдельный конверт около десятка фотографий, затем вытащил из пачки бумаг на столе еще один конверт и протянул оба Кириллу:

– Отдай Ритуле. Здесь, во втором конверте, ее мать. Я думаю сделать к зимней выставке серию «Пересечение вре-

мен». Не знаю, парень, насколько ты в курсе истории с усыновлением, но я думаю, что Риту крупно обманули. Она очень похожа на ту, которую считает только приемной матерью. Без общих генов тут не обошлось.

Кирилл сделал было попытку открыть второй конверт, но Денис его остановил:

– Эй-эй, не сейчас! Потом посмотрите. И еще, скажи Рите, что я смогу использовать снимки для рекламы. Отказов не приму. Я знаю, для нее лишних пара-другая тысяч на дороге не валяются.

После беседы с фотографом Кирилл окончательно убедился в том, что его девушка совсем одинока. Мама умерла, отец – напыщенный идиот, не желающий разговаривать с дочерью. Друзья – чокнутая с суицидальными наклонностями и экзальтированная спелетница, не знающая, где Рита живет и чем в жизни занимается. Если Кирилл и тешил себя легкой надеждой, что внезапное наваждение схлынет, стоит только удовлетворить страсть, то теперь ему ничего не оставалось, как признаться самому себе в том, что он влюбился по уши в таинственную ведьмочку.

6. Средний брат

Разумеется, на работе меня ждал строгий выговор за незапланированный отгул, но чтобы мне там не высказывала хозяйка, я глупо улыбалась, вспоминая чудесный вечер с Кириллом. Этим я ее окончательно расстроила. Да и пусть себе побесится, ей полезно.

Забеспокоилась я только к вечеру. Кирилл не звонил. И только после работы я сообразила, что отсутствие звонков – прямое следствие отсутствия телефона. Молодец, кто бы еще так быстро догадался.

Набирая номер Кирилла в автомате, я немного волновалась. Долгие гудки уже почти меня расстроили, когда милый голос нетерпеливо спросил:

- Рита?
- Я у тебя забыла телефон.
- Ты где?
- У Красных ворот.
- Я недалеко, сейчас приеду.

Как с ним просто. Вскоре я удобно устроилась в кресле огромной машины и с удовольствием вглядывалась в проносящийся мимо ночной город, полный огней и спешащих людей. Здорово положиться на судьбу и не загадывать ничего вперед...

Два дня я пребывала в счастливо-законсервированном состоянии, когда плевать на все горести мира, потому что не существует никаких горестей, их не может существовать в этом прекрасном мире. И я щедро тратила драгоценное время на работу, сон, магазины и мелочи вроде уборки, не подозревая, что это маленькое счастье выпало мне в момент разворота корабля судьбы носом к шторму.

Потом зазвонил мобильник. И Акела поставил меня в известность, что прибыл в первопрестольный град, и поэтому мне надлежит срочно бросить все свои дела и приступить к решению его проблем.

Брата Сашу всегда тянуло к приключениям. Он зачитывался всеми мальчишескими романами и выдумывал игры с участием понравившихся героев. В период увлечения Кипплингом и миром джунглей он стал называть себя свободным волком Акелой. Костя, разумеется, превратился в мудрого Каа. Малявке Рите нужно было бы стать умной и сильной Багирой, но, увы, оба брата сошлись на том, что до Багиры пятилетняя я никак не дотягивала. Мимолетно придуманные прозвища прижились настолько, что и до сих пор братья называли друг друга не иначе, как Акелой и Каа. А вот я как была просто Ритой, так и осталась. До гордой и гибкой Багиры по-прежнему не дотягивала.

С обоими братьями у меня были сложные отношения. Костя предпочитал отмахиваться от факта нашего совместно-

го воспитания и общих приемных родителей. Я не была его сестрой – и точка. Саша, наоборот, всегда подчеркивал факт родства, что не мешало ему изображать избалованного мальчика, которому сестра должна то, да се, да вот это, тридцать пятое.

На этот раз Саша преподнес мне замечательную новость: я должна немедленно достать ему пару билетов на завтра, на самый модный и популярный спектакль. Он, видите ли, решил дать Изабелле еще один шанс.

Изабелла была моей второй и малозначащей подругой. Я долго считала ее третьей лишней в треугольнике девчачьей дружбы я – Осинка – Изабелла. Но, в конце концов, мне пришлось признать, что и я, и Белла составляем лишь пару катетов к гипотенузе – Осинке.

Одним из цементирующих наше трио вещей стала великая любовь Изабеллы к Акеле. Забавно, но изначально это он положил на нее глаз. Однако после двух лет страстей, взаимных обвинений, истерик, хлопаний дверьми и бурных примирений в постели Саша однажды собрал свои вещи и ушел. Изабелла быстро перешла от роли королевы к партии несчастной служанки, и этого, как ни странно, хватило еще почти на год. Но к текущему моменту обе стороны находились в состоянии глубокого непонимания, чего же они хотят друг от друга...

Вы когда-нибудь пробовали объяснить брату, что вы уже

большая девочка? Акела, услышав о том, что мчаться к нему в гостиницу немедленно я не собираюсь, воспринял это практически как повод к дуэли с моим коварным похитителем. В былые времена он непременно уговорил бы меня бросить все и рвануть к нему. Но теперь у меня был Кирилл. И Саша приехал к нам сам, снедаемый любопытством и желанием поруководить моей жизнью. С моей стороны это оказалось ошибкой, потому что он так и завис у нас на все три дня.

Пожалуй, Кирилла следовало все же заранее предупредить о внешности брата. Саша не просто красавец, у него та красота, от которой у женщин открываются рты и подгибаются ноги, а у мужчин проявляются худшие качества собственников и ревнивцев. Открытый высокий лоб, тонкий нос, выразительный рот и глубоко посаженные синие глаза. Такого необычного синего цвета без примеси серого или зеленоватого. Сапфиры. Коротко постриженные, чуть выющиеся каштановые волосы разбавлены седой прядью. Добавьте сюда высокий рост и тренированное тело профессионального военного. Если мой брат подмигнет девушке на остановке, она полдня будет считать себя счастливицей.

Немудрено, что в течение первого часа знакомства Кирилл смотрел на себя в зеркало не меньше семи раз, выполнив недельную норму обращений к отражающему стеклу. Полагаю, что очень многие в компании моего брата чувствуют себя не слишком уверенно. Даже молодые талантливые

журналисты. Хотя надо отдать должное и Кириллу – освоился он быстро. Буквально на следующий день вел себя как обычно. Не каждому это удастся с моим братом.

Мой внезапный интерес к маме Акелу сначала несколько удивил, но потом он разговорился:

– Мама была чудесной. Никогда не ругалась, не злилась. Куришь, сыночек? Кури, только покупай хорошие сигареты. Пиво пьешь? Пей, только не в подворотне, а дома или в приличном баре. С девочками гуляешь? Гуляй, только побеспокойся о своей безопасности. Ни у кого из моих друзей не было таких понимающих родителей. Никаких подростковых комплексов, никакого излишнего контроля. Но в то же время я всегда знал, что она поможет, поддержит. И боялся ее огорчить. Может, от этого и не вляпался ни разу по-крупному.

– Что-то я не помню, чтобы ты вообще вляпывался. Ты всегда был паинькой.

– Не совсем. Помнишь гопоту, с которой я лет в четырнадцать связался? Дружки те почти все потом сели. А мама в ведомстве по образованию работала и всегда на мою сторону вставала. С ней не спорили, спускали все на тормозах. Мне стыдно было, что я ей вру, а она мне верит. Поэтому никогда дальше мелочей не шел.

– По-моему, ты сгущаешь краски. А Костя? Мама его тоже баловала?

– Еще как. Все эти железные дороги и модели самолетов, которые она ему покупала по первому слову. Думаешь, у наших друзей было столько подарков и игрушек?

– Как ты думаешь, я на нее похожа?

– Ты о фотках, которые тебе чужак фотограф сделал? Думаю, он тебе польстил.

– Но мы действительно похожи.

– Да, только на тебе дурацкий парик, а глаза и губы специально подведены так, чтобы старые фотки напоминать. Грим для того и придумали, чтобы простаков обманывать. К тому же мама на фотках – настоящая, а ты – кривляка, сразу видно, что аж из себя выпрыгиваешь, чтобы нечто неповторимое изобразить.

– Спасибо, поддержал.

– Умей принимать здоровую критику. Кстати, мама никогда даже голос не повышала, только иногда чуть укоризненным тоном высказывала отцу свое мнение. Он тогда бледнел и терял дар речи, а я в угол кровати забивался, пока она меня не обнимала и не целовала. Она часто нас обнимала, правда?

– Наверное. Я размыто все помню. Помню, было состояние спокойствия, мира. А потом раз – все кончилось, и я уже оказалась совсем в другом измерении. Ты помнишь, как тебя усыновили?

– Нет, но я знаю, что в самом раннем детстве я испытал какой-то ужас. Иногда мне снятся кошмары, и, проснувшись, я понимаю, что видел что-то оттуда, из самого изначального

своего времени. Но не могу тебе даже обрисовать, что это. Остается только ощущение глубокого страха и отчаяния.

Я вздохнула и без особого разбега нырнула в опасную глубину:

– А вдруг она была моей настоящей матерью?

Акела одарил меня грустной улыбкой:

– Ты, Ритка, неисправимая фантазерка. И все еще малышка. Ты впитала в себя ее манеры, ее интонации в голосе, ее жесты и прочее, и поэтому ты на нее похожа. Я знаю, ты была очень одинока после ее смерти. Тебе ее не хватает, даже сейчас, а может, именно сейчас. Но заполнить эту пустоту никто не сможет, сестричка. Будь она хоть приемной, хоть биологической матерью – она ушла навсегда.

Зря я боялась, что Саша будет злиться из-за моего сумасшедшего предположения. Может, и следующий вопрос обойдется без отповедей:

– Я все никак не могу понять, почему она столько лет с отцом прожила?

– Ты все еще не наплевала на него, верно? Но это только ты его раздражаешь. А маму он боготворил. На руках носил, цветами задаривал, в любви объяснялся. Словно они не были женаты двадцать лет, а застряли в конфетно-букетном периоде. Думаю, все вокруг ей завидовали. Они красивой парой были, а когда он еще и комплименты ей расточал – люди вокруг как в романтическом фильме оказывались. Я никогда больше таких отношений не видел.

– Странно, что о его великой любви все знают. Особенно после ее смерти. А она любила его?

Акела несколько раз моргнул, потом неожиданно обнял меня и прижал к себе:

– Прости меня, Ритка, прости, сестренка.

Так мы вроде не ссорились?

– Да я и не сержусь, Саша. Правда. Что это на тебя нашло? Мощные руки только стиснули меня покрепче в объятиях. Я слышала гулкие удары большого сердца лучше, чем приглушенные сбивчивые оправдания брата:

– Я должен был после смерти мамы позаботиться о тебе. Я должен был понять, что ты останешься совсем одна. Мама всегда говорила, что мы должны помогать друг другу, что кроме нас самих мы ни на кого не можем рассчитывать. Я подвел ее. И тебя. Мы ведь могли бы что-то придумать вместе.

– Саша, да успокойся ты, никого ты не подвел. Ты ничего не знал и ничего не мог сделать. Пусти, мне дышать нечем.

Акела лишь немного ослабил хватку, только чтобы я смогла поднять голову. Его синие глаза требовательно искали в моем ответном взгляде что-то успокаивающее, хорошее. Станные все же существа мужчины, склонны к порывам чувств тогда, когда этого меньше всего ждешь. Несколько лет назад я от таких слов была бы неделю на седьмом небе. Но сейчас все было пережито и забыто. К чему теперь эти объяснения...

– Ритка, я, может, спятил, но у тебя все хорошо? Я знаю, тебе много плохого пережить пришлось, но сейчас ведь все наладилось? Ты ведь никогда раньше не говорила о маме, а теперь вдруг решила, что похожа на нее. Если тебе что-то надо, ты мне только скажи. Тебя журналист обижает? Ты несчастна?

– Акела, у меня все хорошо, и журналист – отличный парень. С чего ты вдруг заволновался? Я что-то не то спросила?

– Поклянись, что ты интересуешься мамой, что ты не думаешь о... смерти. О ее смерти.

Я определенно чего-то недопонимала. Почему Саша связывал мой интерес к матери со смертью? Пока я быстро перебирала в голове варианты, он вдруг легко отодвинул меня от себя и резко спросил:

– Ты не знаешь?

– Наверное, нет. Что я должна знать?

Брат отвел от меня взгляд и уставился в какую-то интересную точку на откосе окна. Я молча ждала. Он вздохнул и тихо признался:

– Говорят, что ее смерть не была несчастным случаем, что мама покончила с собой.

Я попыталась представить слетающий с дороги автомобиль, но образ ускользнул, хотя осталось смутное ощущение неправильности. Я не поверила словам брата. Потому что он ошибался? Или потому, что я не хотела в это верить?

– Акела, я хотела поговорить с тобой о маме. И я не соби-

раюсь сводить счеты с жизнью, если ты вдруг предположил, что это единственная причина моего интереса.

– Я глупо себя веду, да? У меня какое-то дурное предчувствие...

– А ты женись на Изабелле. Она тебе по утрам будет про Вангу рассказывать, в обед гороскоп на завтра зачитывать, а вечером вы будете обсуждать новые явления апостолов на святых местах. Вот тогда от предчувствий и топором не отмахнешься.

Акела снова стиснул мои плечи руками:

– Черт с ней, с Беллой, обещаю, что в случае чего позовешь меня на помощь.

– Да, братик, всенепременно.

Только в качестве самой последней надежды, когда ничего другого не останется.

7. Родные и близкие

В субботу у нас получилась импровизированная вечеринка. Кроме нас с Кириллом в маленькую квартирку набились еще и Акела с Изабеллой, Мигель с симпатичной подружкой Анютой, а также пара приятелей Кирилла по редакции.

Посиделки были веселыми, но для меня утомительными. Слишком много пустых разговоров и попыток произвести впечатление. Формально я была хозяйкой вечера, но я переложила свои обязанности по обслуживанию гостей на милую Анюту, хотя и испытывала легкие укоры совести, наблюдая за тем, как она время от времени носится на кухню. Акела с Мигелем затеяли вечный спор военного и пацифиста, Изабелла кокетничала с редакционными деятелями, Кирилл немногословно, но веско подводил итоги тех или иных обсуждений. Мне же спустя час-полтора уже хотелось выбраться прочь из душной атмосферы всеобщего братства и любви.

Скуку и легкое уныние сняло как рукой, когда я вдруг заметила быстрый, но пристальный взгляд, которым синие сапфиры брата одарили Анютку. Застенчиво взлетевшие ресницы приоткрыли лукавые светло-карие глаза девушки и тут же спрятали их вновь. Странная компания. Маленький перекресток времени и пространства. И узелок в плетении Мойр, связавший две ниточки воедино. Ни Изабелла, ни Мигель еще не догадываются, что два неровных дыхания только что

попали в такт. Я присмотрелась к открытому лицу Анютки. Простая, веселая, милая – никаких экзальтаций и разыгрываемых страстей. Может, Акеле это и нужно для счастья?

Я представила себе один из скверов Питера. Красивого мужчину, так уставшего от внимания претенциозных и светских женщин, и веселую девушку, которой не так уж важна его красота, она влюблена не в красоту, а в хорошего парня. Он кружит ее на руках, а она доверчиво прижимается к нему упругой грудью.

Замечтавшись и увлекшись разглядыванием фигуры новой знакомой, я не сразу заметила, что расстановка фигур изменилась в результате рокировки. Теперь Акела громил двух журналистов на пару с Мигелем, Аня скромно сидела рядом со своим кавалером, а Изабелла что-то втирала Кириллу. Ее прямо распирало от эмоций, Кирилл явно произвел на нее самое лучшее впечатление...

Надо признаться, раньше я понятия не имела о том, что такое ревность. Теперь, видимо, моя психика решила компенсировать это недопонимание за все прошедшие годы. Так сказать, доставить товар оптом.

Дура патлатая, что ты ему глазки строишь? Думаешь, ему твои ужимки интересны? Бестолковая дрянь, придвинулась вплотную, бедро к бедру. Ты ему не нужна, ротозейка. Так тебе и надо, чтобы Акелу у тебя из-под носа увели. Но моего Кирилла ты взамен не получишь, я тебя в порошок сотру, гадина... Изуродую, что мама родная не узнает... И руки,

что ты распустила, повыламываю...

Словно в тумане я вышла на кухню и прижалась лбом к холодному окну. Нужно взять себя в руки, нужно успокоиться, включить мозги. Ничего же не произошло. Все сидят, разговаривают. Изабелла просто сидит рядом с Кириллом. Внутри снова вздыбилась волна злости.

Акела подошел сзади и положил руки мне на плечи. Навяждение схлынуло.

– Мне не померещилось, Ритка? Ты ревнуешь. Ты, правда, влюбилась в журналиста по уши. Никогда не видел тебя такой.

Я резко развернулась и попыталась задеть его словами:

– Да ты вообще меня мало видел.

Брат улыбнулся до ушей.

– Хвала небесам, а я-то боялся совсем другого. Давай, Ритка, злись, сердись, нападай. Хочешь, даже поколоти меня. Я рад за тебя, сестричка. Ты вылезла из норы посмотреть, что мир не так уж плох. Готов Весенину памятник за это поставить.

– Его эго будет счастливо. Отстань от меня. Все в порядке.

– Да, теперь точно в порядке.

Саша, кажется, и вправду считал, что моя влюбленность вправит мне мозги. Увы, кажется, все обстоит ровно наоборот. До сих пор я никогда не испытывала желания сломать кому-нибудь руки.

Словно специально, улучив момент, Изабелла затерла ме-

ня в углу кухни и сочла необходимым поделиться восторгами относительно моего приятеля:

– Ритуля, он полный отпад! Обаятельный, интеллигентный и не бедный, судя по всему. Милая, скажи мне, где ты откопала такого принца? Яс ума схожу от того, что такие мужики ходят рядом и без присмотра.

Нахлынувшее чувство оказалось слишком... бесконтрольным. Ручки сломать – это мелочи. Надо что-то такое, чтобы ты, курица, визжала до седьмого пришествия.

Спасло Изабеллу вмешательство самого Кирилла. Собственнически обняв меня сзади, он чмокнул меня в макушку и весело заметил:

– Девочки, кончайте обсуждать нас, сильный пол. Давайте споем?

И мы спели. А потом и сплясали.

В воскресенье вечером мы, наконец, спровадили Александра восвояси.

Но выспаться мне все равно не удалось. В половине седьмого утра понедельника начал надрываться дверной звонок. Я надеялась, что мы сможем притвориться, что нас нет. Или я на правах гостя смогу не выбираться из теплой постели еще затемно. Но, увы, пока я придумывала речь для препирательств, любимый спихнул меня с кровати. Выгонять гостей явно предстояло мне.

За дверью оказалась невысокая и полная женщина с ма-

кияжем толщиной в сантиметр. Брючный костюм безобразно обтягивал все складки расплывающегося тела, отчего гостя казалась гусеницей, неловко задравшей передние лапки. Моя избыточно вежливая речь, кажется, ее шокировала:

– Чем могу быть Вам полезна, мадам?

– Ты кто такая?

– Я – Рита. А Вы?

Гусеница бросила презрительный взгляд на мой наспех накиннутый прозрачный халатик, доходящий только до края попы, и перешла в наступление. Я не ожидала ее чисто физического напора и была вынуждена отступить ввиду явного превосходства массы противника. Женщина ворвалась в комнату и завопила:

– Кириша! Как ты мог?! Хочешь себя погубить?

К моему удивлению, звук голоса Гусеницы сподвиг Кирилла на необыкновенную прыть. Выскользнув из кровати, он в течение буквально нескольких секунд оказался одет в спортивные штаны и толстовку. Галантно полупоклонившись, он вытянул руку и с нарочитой елейностью произнес:

– Представляю тебе, о моя почитаемая матушка, прекраснейшую из женщин, волшебный цветок из долины царицы Семирамиды, заветную драгоценность из сокровищницы Сулеймана Великолепного – Риту Рогальскую.

Вот незадача. Тетка, которую я мысленно назвала Гусеницей, оказалась мамой Кирилла. Причем мамой уважаемой и любимой. Немного недалекой, но оттого только более оча-

ровательной в его глазах. А еще очень трогательной в беззаветной и беспощадной материнской любви.

– Рита, это моя мама, Елена Афанасьевна, прошу любить и жаловать.

Гусеница поджала губы, строго оглядывая меня с головы до ног. Я поняла, что этот экзамен мне не выдержать никогда. Мама Кирилла будет довольна только идеально красивой и очень умной подружкой сына, которой вдобавок можно будет немного манипулировать.

Честно говоря, я пока не собиралась знакомиться с чьи-либо родителями. И предпочла бы более торжественную обстановку. Для начала хотя бы оделась соответствующе. Заметив растерянное выражение лица Кирилла, я сообразила, что и он никак не ожидал подобной встречи.

С максимальной почтительностью (и удержавшись от книксена) я поприветствовала Гусеницу:

– Рада познакомиться, Елена Афанасьевна.

Раскрашенная маска скривилась в гримасе неодобрения:

– А я не рада. Совсем не рада, потому что много чести для всякой дряни со мной знакомиться. Собирай свои манатки и проваливай, чтобы духу твоего здесь не было.

– Мама! Перестань!

Я послушно, но не торопясь, начала одеваться и складывать немудреные пожитки в большой пакет. Хорошо, что я в целом за практичный подход в одежде. Не так уж много шмотья накопилось. Кирилл вскочил с кровати и попытал-

ся мне помешать. В его чудесных карих глазах светилась любовь:

– Рита, перестань, не уходи. Это недоразумение.

Я чмокнула его в щеку:

– Я вернусь. Сейчас тебе нужно поговорить с мамой. Без меня.

– Мы без твоих советов обойдемся, шалава!

– Мама, прекрати!

Глупо ревновать сердечного друга к его маме? А я снова не по-детски злилась. Меня распирало от всяких дурацких мыслей. Укоротить бы ей поганый язычок, чтобы впредь думала, прежде чем пасть разевать.

Вот напасть, моя крыша едет быстро и без всякого шуршания. Если засунуть башку в морозильник – поможет?

Закрывая за мной дверь, Гусеница нарочито громко высказалась напоследок:

– И как не совестно навязываться женатому мужчине?

Хм, глупо с ее стороны так сразу выкладывать козыри. Я умею держать удары.

– Нет, Елена Афанасьевна, не совестно. У меня нет совести.

Дверь захлопнулась, позволив мне в одиночестве справиться с бурей чувств, вызванных словосочетанием «женатый мужчина». Может, успокоительных попить, откуда такие непредсказуемые реакции?

Вместо успокоительных я устроила себе День Ударника. Хозяйка отнеслась к моему рвению подозрительно, но это и понятно. В ее восприятии ждать от меня хоть какого-то проблеска мысли значило бы признать, что я такое же существо, как и она сама, а этого не допускало ее самомнение жены мелкого банкира. Кого-то такой подход, наверное, обижал, а меня только развлекал. Чем тупее были рассуждения этой мадам, тем веселее проходил день, а чего еще желать от трудовых будней?

Кирилл позвонил после обеда и сказал, что заедет за мной вечером. Я остаток дня придумывала в уме сложные конструкции диалогов, позволяющих нам обоим разобраться в ситуации, но так, чтобы ни в коем случае не задавать прямые и непростые вопросы. Вся эта мыслительная деятельность свелась к тому, что едва я плюхнулась в машину, мой рот раскрылся сам по себе с вопросом:

– Ты женат?

В карих глазах блеснула лукавая улыбка, и в тон мне Кирилл ответил:

– Был. А ты замужем?

– Нет.

И тема оказалась закрыта за очевидным отсутствием сколь-либо интересного содержания. Добравшись домой, мы устроили себе роскошный ужин. Потом, развалившись на кровати, решали, какое кино посмотреть на сон грядущий. Под мерцание экрана мне уже стало казаться, что впе-

реди сплошная счастливая жизнь.

И тут зазвонил телефон. (Кто говорит? Слон??)

– Здравствуйте, Маргарита Евгеньевна. Это из оперативного отдела ОВД «Хрипаново» вас беспокоят. Мы бы хотели побеседовать с вами об обстоятельствах отравления Олеси Блюнтер. Приезжайте завтра, к 11 часам.

Здорово. Моей работодательнице предстоит отличный сеанс психотерапии за мой счет. Думаю, она самое малое дня три будет беспрепятственно поносить меня как самое ленивое, безответственное и тупое существо на свете. Через минуту зазвонил телефон у Кирилла. Оперативный отдел хотел видеть и его тоже.

8. Ведется следствие

Обшарпанное здание ОВД состояло из двух половинок, словно прислоненных друг к другу, и за счет этого держащихся вместе. Дореволюционная часть – кусок доходного дома – дополнялась послевоенной сталинской пристройкой с наполовину отвалившимися барельефами-венками и рассыпавшимися столбиками балконов. Я сразу поняла, что это здание-монстр, пожиратель душ и судеб. Хочешь – не хочешь, придется проследовать прямо в его пасть – высокую подворотню между частями здания.

В нужном нам кабинете, выкрашенном в грязно-желтый цвет, оказалось сразу три мента. Огромный хмурый верзила и худой парень-ботаник в очках дружно указали нам на третьего, представившегося как Бирман.

У Бирмана оказалась внешность этакого истинного арийца с высоким лбом, прямым носом и темно-серыми глазами, пугающими внутренней безжалостностью. Не люблю я такие взгляды: слишком прямые, слишком откровенно неприязненные, слишком бескомпромиссные.

Бирман не возражал против нашего общего с Кириллом разговора и протянул руку для рукопожатия сначала ему. Потом повернулся ко мне, я коснулась его широкой ладони и провалилась в кошмар.

Я видела, как он бежит через осенний лес, бежит отчаян-

но, сбивая с веток желтые листья и капли недавно прошедшего дождя. Он боится не успеть. И очертя голову выбегает на красивую поляну, в центре которой навалены ящики, контейнеры, бочки. Он бросается вперед, к чему-то важному за этой кучей хлама, и пули встречают его на полдороге. Маленькие стальные осы впиваются в тело, смертельно жала и убивая. Убийца выдает себя этими выстрелами и через мгновение с ним тоже покончено. Но изменить уже ничего нельзя, и рослые люди в камуфляже снимают каски...

– Эй, Маргарита Евгеньевна, с вами все в порядке?

Сколько раз я слышала эту фразу от людей. Нет, со мной не все в порядке. Потому что только что я видела смерть человека, которого все еще держу за руку. Серые глаза Бирмана сверлят меня, а я тщетно пытаюсь найти слова.

– Да, все хорошо.

Я внимательно рассматривала Бирмана, пытаюсь (как и обычно, без особого успеха) понять, почему здесь и сейчас меня накрыло таким вот мраком. Как я ни старалась, никаких других видений не возникало. Только сам Бирман, кажется, несколько недоумевал насчет моего откровенного изучения его внешности. Я заставила себя оторваться от лица потенциального героя неизвестного сражения и вникнуть в то, о чем уже, кажется, давно вещал Кирилл.

А Кирилл рассказывал о том, как мы нашли отравившуюся Осинку. В его изложении получалось, что в тот день мы

и не в первый раз встретились, и не собирались проводить время вместе, он подвозил меня по пути, когда раздался тревожный звонок. Он, как истинный джентльмен, разумеется, вызвался помочь, потому что от меня, конечно, не было бы никакой пользы в такой ситуации. Я, как существо слабое, до сих пор нахожусь в состоянии стресса и не готова обсуждать такие ужасы. Он боялся, что я прямо там упаду в обморок, так меня потрясло случившееся.

Кирилл, обычно склонный скорее действовать, чем говорить, превратился в другого человека. Нанизывая многорядные бусы слов, он незаметно менял смысл происходившего на прямо противоположный, маскируя за подробностями суть и размывая общую картину. Речь его – плавная, быстрая, логичная – все кружила и кружила вокруг бессознательной Осинки, и даже я уже запуталась в сплетенной паутине. Интересно, если его не остановить, он долго может так говорить?

Похоже, такая же мысль пришла в голову и Бирману. Оперативник прервал Кирилла на полуслове и переключил свое внимание на меня:

– Маргарита Евгеньевна, вы в приемном покое заявили, что это попытка самоубийства. Почему?

Разумеется, он все знает. Сейчас выставит Кирилла идиотом, а меня – дамочкой, сваливающей на первых попавшихся мужчин свои неприятности. Не зря же так ехидно посматривает.

- Потому что я была в этом уверена.
 - Из каких соображений?
 - Осинка, то есть Олеся Блюнтер, уже пыталась покончить с собой.
 - Откуда вы это знаете?
 - У нее привычка сразу после попытки самоубийства звонить мне, чтобы я примчалась и спасла ее.
 - Что вы имеете в виду, говоря о привычке?
 - Так было два раза до этого отравления. Я решила, что это та же схема.
 - В предыдущий раз тоже были отравления?
 - Нет. В первый раз она пыталась повеситься. И ждала, пока я начну открывать дверь, чтобы спрыгнуть с табуретки. Во второй сначала перерезала вены, потом позвонила мне.
 - В обоих случаях вы оказывали ей первую помощь и вызывали подмогу?
 - Да.
 - Вы думаете, что справились бы и на этот раз?
 - Вероятно.
 - Так почему попросили Кирилла Викторовича о помощи?
 - Потому что он справился с этим куда лучше меня.
- Кирилл казался абсолютно невозмутимым. У меня появилось ощущение, словно все это он и так прекрасно знал, хотя странности Осинки мы с ним не обсуждали. Хорошая мина в неизвестной игре. Достоинно восхищения.

– Зачем Вы взяли с собой бутылку с вином?

– Я решила, что Осинка отравилась, и подумала, что медикам понадобится знать, чем именно. В сериалах все время показывают, что доктора роются в квартирах пациента в поисках отравы или инфекции.

– Почему именно вино?

– Потому что она пила его прямо перед этим.

– Откуда вы это узнали?

– У нее было свидание с мужчиной. Обычно на свиданиях что-нибудь да пьют.

– Она сама сказала вам про свидание?

– Нет. Но возле кровати валялся использованный презерватив. А Осинка была одета в красивое белье. Логично решить, что там был мужчина.

– Где стояла бутылка?

– За прикроватной тумбочкой.

– Вы знали, что бутылка там?

– Да. Раньше я иногда у нее ночевала. Осинка обычно держала одну-две открытых бутылки возле кровати, чтобы можно было опохмелиться, не вставая. С тумбочки можно было нечаянно бутылку столкнуть, а за ней как раз получалось удобно.

– Вы узнали бутылку, в которой был яд?

– Узнала? Бутылку? Нет. А мы с ней были знакомы?

Кирилл улыбнулся. Хорошо, что он здесь. Одной было бы намного сложнее. А вот оперативник не улыбается. Поймав

быстрый серый взгляд, я поняла, что он знает намного больше нас. Знает что-то плохое и думает, что мы к этому плохому причастны.

– Мать Олеси утверждает, что это вы подарили ей злополучную бутылку.

– Возможно. Иногда мне дарят алкоголь. А я обычно отдаю его Осинке.

– А вы пили то подаренное вино вместе Олесей?

– Нет. Я не пью вина. Вообще алкоголь не употребляю.

– Что, совсем?

– Совсем. Ничего спиртного.

Ух ты! Нет, я конечно знала, что такое признание вызывает неадекватные реакции, но чтобы сразу два интересных мужика от меня дар речи потеряли. Любуйся собой, Рита, пользуйся моментом.

Бирман думал пару секунд, выбирая между версиями: алкогольчик со стажем в завязке или просто врушка. Кажется, склонился ко второму варианту. Кирилл отложил сомнения на потом. Он явно представлял, как будет последовательно соблазнять меня французскими именными винами, XO коньяками, гавайским ромом или текилой. До него еще пока не дошло, что то, что я сейчас не пью ничего, вовсе не означает, что я не успела попробовать достаточно много мировых алкогольных брендов раньше.

Опомнившись, Бирман вернулся к происшествию с Осинкой:

– Олеся не совершала попытки самоубийства.

– А-а. Что же тогда случилось?

– В бутылке оказался специфический яд. Вы оказали большую услугу подружке, прихватив с собой в больницу его образец. Без быстрого анализа Олеся, скорее всего, была бы уже мертва.

– Кто-то подсыпал яд в бутылку?

– Может быть, это вы?

Я растерялась. Но признала, что оперативник придумал весьма логичную версию. Мотив можно придумать, возможность у меня была. Только вот в ядах я не разбираюсь, но поди докажи это уверенному в себе менту. Кирилл положил свою руку поверх моей и тихим пожатием меня успокоил. Я покачала головой:

– Нет. Это не я.

Но Бирман уже шел в атаку с другого направления:

– Маргарита Евгеньевна, вы знакомы с Денисом Петровичем Шкуркиным?

Пытаясь собрать мысли и в бесстрастных серых глазах уловить хоть какую-нибудь эмоцию, я выдавила:

– Что с ним случилось?

Оперативник немного поиграл со мной в гляделки, но потом отступил и ответил:

– Позавчера поздно вечером Денис Петрович отравился. Вином.

– Он... жив?

- Да, но состояние стабильно тяжелое.
- Он и Осинка пили одно и то же вино?
- Да. И яд в бутылках одинаковый.

Я промолчала. Что тут скажешь. Что ни с того ни с сего я втянула только что обретенного кавалера в мутную уголовщину. Веселая я девушка, прямо не заскучаешь. То дев грязных носи, то по ментовкам шастай, теперь вот еще и с фотографом будут нервы мотать. В ответ на мои мысли Кирилл только тепло улыбнулся и весело подмигнул. Можно подумать, мы балетную премьеру обсуждаем.

Я начала рыться в сумке. Нашла три фото, которые таскала в сумке с мыслью сделать для них красивые багетные рамки, и протянула их через стол:

– Вы наверняка хотите спросить об этом. Дионис сделал для меня несколько фотографий. Вот эти, например. Готовые фото Кирилл забрал в прошлый вторник. Я забыла у него, ну, то есть у Кирилла, свой телефон, и Дионис договорился о встрече с ним.

Бирман уставился на снимки, точно видел перед собой нечто фантастически интересное. Изучив фото, он пристально уставился на мое лицо, словно пытался найти соответствие между оригиналом и художественной работой. Мне стало обидно. Вот дурак, неужели непонятно, что это я на фотках?

- Я могу оставить их пока в деле?
- Эти нет. Я сделаю копии.

– А это все фото, что были сделаны?

– Нет. Думаю, около сотни снимков всего было. Хороших – штук двадцать. Пять-семь вошли бы в коллекцию.

– А Вы видели их все?

– Нет, Дионис отобрал снимков десять для примера. Чтобы доказать, что он не замылил тему в стол.

Бирман вопросительно уставился на меня. Сзади кто-то хихикнул.

– Я имею в виду, что у него бывали работы и отснятые серии, которые никогда не печатались и не выставлялись. Когда я согласилась позировать, я была процентов на пятьдесят уверена, что и с этой темой будет так же. Что он напрыгается с камерой вокруг меня, а потом и думать забудет фотографии сделать.

Бирман неожиданно перебросил снимки на стол великану, до этого сидевшему в образе монументального изваяния. Тот мельком глянул на них и протянул ботанику. Ботаник поднес снимки к самому носу, отставил обратно, снова приблизил и высказался:

– Нет. Я абсолютно уверен, что нет.

Мы с Кириллом недоуменно переглянулись. Бирман забарабанил пальцами по столу и объяснил:

– Студия Шкуркина была разгромлена. Есть предположение, что искали какие-то фотографии. Мы вчера весь день там рылись. И не видели ни одного вашего фото, Маргарита Евгеньевна.

– Но должны были остаться негативы.

– Пока мы ничего подобного не нашли.

Ну, неужели эта компания арийца, верзилы и очкарика полагает, что Диониса отравили из-за бесценных бумажек с моей физиономией? Нет, я, конечно, неплохо получилась на этих фотках, но зачем фотографа калечить?

Внутри меня вдруг созрела уверенность, что в ответ на мой интерес к маме тихо приоткрылась дверца семейного шкафа со скелетами. Было весьма вероятно, что я если не родная мамина дочь, то родственница. Но кто и почему мог решить, что это представляет для него угрозу? Денег в семье больших никогда не было. Старинные легенды о сокровищах прадедушки отсутствовали. Никаких фамильных брюликов, золотых дублонов и потерянных замков. Тогда из-за чего сыр-бор?

Пока я размышляла, оказалось, что Кирилл и оперативники уже прощаются. Бирман разглагольствовал о том, что «ведется следствие». Журналист обещал сохранить тайну и всячески содействовать ментам в их работе. Мужчины обменялись кучей рукопожатий, визитками, непонятными шуточками.

Только напоследок Бирман повернулся ко мне:

– До встречи, Маргарита Евгеньевна.

– До свидания. Берегите себя.

В серых глазах появился невысказанный вопрос. Не дождетесь. Никаких объяснений. Никаких лишних слов.

9. Служебный роман

На следующий день я вылетела с работы. Хозяйка, разумеется, изгалялась как могла, описывая мне в красках мою же недобросовестность. Отгулы без предупреждения стоили мне недоплаты тысяч в десять. Но я со стоическим равнодушием выслушала все претензии и даже обошлась без напутственных отправлений скандальной тетки к черту.

После обретения свободы я лихо потратила изрядную сумму на кучу новых шмоток. Одно дело, когда ты живешь в одинокой норе и вылезает из нее только для похода в супермаркет. И совсем другое, когда есть, для кого принарядиться. После сомнений я даже прикупила роскошную шифоновую тунику с названием «Весенняя фея». Ничего, что на дворе осень, феи – существа всепогодные.

Денег у меня было достаточно. По моим меркам достаточности. Кормилась я в домах, где работала. Небольшую часть от заработка я тратила на оплату крохотной квартирки с кухней в три квадратных метра в доме гостиничного типа. Я снимала эту квартирку у пожилой пары, жившей в загородном доме сына. Основными достоинствами квартирки были относительно дешевая арендная плата и абсолютное равнодушие владельцев к тому, что, как и когда я делаю. Все, что их интересовало – поступление денег. А то, что я периодически платила вперед, обеспечивало мне в их глазах репута-

цию очень, очень надежного жильца. Второй моей статьей расходов с недавнего времени было образование. Но оно отнимало вполне солидные суммы, к тому же весь этот год я уже оплатила, а до следующего еще нужно дожить.

Снова искать работу я пока не собиралась. Не потому, что собиралась сесть на шею Кириллу. Захотелось немного передохнуть. Последний отпуск у меня случился года два с половиной назад, так что пару месяцев я вполне могла потратить на копание в семейных тайнах...

Самый простой путь – подчас самый заковыристый. Я знала, что мама много лет работала в системе образования. Но лишь несколько дней обивания разных порогов позволили мне узнать, что четверть века назад мама работала в районном управлении образования методистом. То есть следила за тем, чтобы во всех школах таблицы умножения были нарисованы достаточно красиво и идейно правильно.

То самое РОНО, но под другой вывеской все еще работало в том же здании, и, кажется, все с той же мебелью и теми же таблицами умножения. Тупо обходя все кабинеты с радостным выражением лица и восторженной интонацией в голосе, я у всех спрашивала, не знают ли они кого-либо, кто работал здесь двадцать-двадцать пять лет назад. Подозреваю, что мое явление надолго войдет в местные байки под названием «Как одна сумасшедшая искала маму». Тем не менее, этот подход сработал. Идиотам обычно легче продвинуться в по-

исках информации – их жалеют и стараются помочь. Будь я в деловом костюме с заготовленной серьезной речью, тетки посылали бы меня вон, даже не повернув головы.

В итоге я разжилась скудной, но многообещающей информацией. Хотя маму никто не помнил, меня отправили в вышестоящую инстанцию к некоей Лидии Борисовне Коряге. На повышение она ушла всего пару лет назад, а до этого беспрерывно руководила РОНО как раз лет двадцать пять.

Прорыв к Лидии Борисовне оказался не столь быстро решаемой задачей, но, в конце концов, принцип «только отвязись от меня, сумасшедшая баба» сработал и здесь.

Лидия Борисовна оказалась тучной женщиной лет сорока пяти. В ней собрались все классические черты неумной и ограниченной в представлениях о мире стареющей женщины, уверенной, что она может помыкать отданными в ее власть детьми. Из таких получаются мерзкие завучи и вредные училки, становящиеся прототипами героинь жалостливых фильмов и народных анекдотов.

– Простите за беспокойство, но я собираю сведения о жизни Марии Рогальской. Вы вместе работали в РОНО больше двадцати лет назад. Она умерла, а я так мало о ней знаю. Вы не могли бы немного рассказать о ней? Можете все, что хотите говорить: и хорошее, и плохое. Мне ценно любое мнение.

О, этот мой экскурс в историю оказался очень удачным! Едва уловив из моего вступления ненавистное имя и осо-

зная, что его обладательница умерла, Лидия Борисовна вдруг преобразилась в ту наивную девушку, которая жаждала нести в мир доброе и вечное четверть века назад. Обиженную и ревнивую девушку, которой нанесли незаслуженное оскорбление. Первый муж светоча знаний, Василий Коряга, пал жертвой роковых чар моей мамы и опустился до самого низменного поступка – измены.

Смысл длинного монолога моей собеседницы сводился к тому, что мама была, мягко говоря, одержима жаждой влюблять в себя всех мужчин мира. У нее было множество любовников. Некоторые даже дежурили у РОНО, чтобы подвезти ее домой. На машине! Но Рогальской этого было мало. Встретив случайно Васеньку, подлая Машка сразу положила глаз на красавца – мужа подруги. Хотя у самой Машки был в наличии какой-никакой, а законный муж, подлая подружка подкарауливала Васеньку, где только могла, и буквально кидалась на него всем телом, прижимаясь, извиваясь и соблазняя.

Бедная Лида не заметила сговора между мужем и подругой. И только когда все вокруг стали открыто насмехаться над обманутой женой, она заподозрила неладное. Любовники не особенно и таились: первая же засада, организованная Лидой, повергла ее в состояние ступора. Ее дорогой Васенька любил Машку прямо на ее рабочем столе в той позе, которую и назвать неприлично. Разоблаченные любовники не переживали. Вероломная гадина Машка, поправив юбку,

заявила, что у Лидки, дескать, большое воображение. И ничего такого у них не было, Вася лишь помог бумагу найти. А тем, у кого с головой плохо, надо в Кащенко отправляться и лечиться на всю катушку.

Обозленная Лида вынесла инцидент на обсуждение коллектива, но неожиданно оказалось, что ее мало кто поддерживает. Васька ходил с довольной мордой, Машка твердо стояла на том, что Лидка ее оговаривает, потому что подсидеть хочет. Муж Машки, которого Лида взялась просветить, неожиданно встал на защиту чести жены, заявив, что его верную и нежную возлюбленную оклеветала злобная базарная баба.

Дослушивая уже автоматически эту любовную эпопею, я быстро сопоставила даты: в момент романа Васи с моей матерью Лиде было чуть больше двадцати. Значит, я уже родилась. Василий Коряга не может быть моим отцом. Это и хорошо. Вряд ли достойный человек будет так беспардонно изменять молоденькой жене.

Вернувшись из мечтательных далей в кабинет Лидии Борисовны, я обнаружила, что конструктивная часть рассказа исчерпана, осталось только бездумное поливание грязью подлых Васьки и Машки. Я попробовала поставить все заключительные точки в рассказе:

- Скажите, а вы развелись с мужем из-за этого?
- Развелась бы обязательно. Но вскоре после скандала он погиб.

– Мне жаль.

– А мне нет. Все это получилось к лучшему. Я погоревала, а потом встретила хорошего человека, и думать забыла про свои печали.

– А вы слышали что-нибудь о детях Маши?

– Нет, никаких детей у нее не было. Вот и вертела попой, как хотела.

Неожиданно. Мальчиков усыновили как раз незадолго до этого времени. И, если я действительно родная дочка, мама должна была ходить с животом какое-то время? Возможно, Лида не знала о существовании сразу двух приемных сыновей у Маши. Но не заметить живота перед родами? С другой стороны, может ли усыновившая двух детей женщина еще и сразу после родов быть настолько сильной и не замотанной бытом, чтобы романы на работе крутить? Тонкие временные грани пока не складывались в понятный рисунок...

– А ты, девочка, собственно, чтой-то интересуешься Машей. Столько лет прошло.

Неожиданно прорезавшийся деревенский говор прозвучал настолько нелепо, что я не сразу вникла в суть вопроса. Время все же не настолько властно над нами, как подчас кажется.

– Понимаете, Мария – моя приемная мать. Она погибла десять лет назад. А я сейчас ищу информацию о том, как и почему меня усыновили.

– Ишь ты, а что это тебя усыновили, своих детей не было?

– Нет.

– А у меня двое. Дочка и сын. Взрослые уже, того гляди бабушкой сделают.

Я поняла, что она наслаждается торжеством победы. Она взяла верх над соперницей. Пережила ее на целых десять лет. Сумела выносить и родить собственное потомство, плоть от плоти своей. А еще я подумала, что Лида всю жизнь любила одного-единственного мужчину – Васеньку. Она так и не смогла смириться с его изменой, с его гибелью. И многолетнее уговаривание себя, что жизнь прекрасна и без него, превратило ее в ту самую ограниченную вредную бабу, завистливую к чужому счастью и непримиримо враждебную к красивым женщинам.

На прощанье я получила номер телефона бывшей начальницы мамы с заверением:

– Кажется, на похороны этой мумии еще не звали.

Что ж, из клубочка показалась тонкая ниточка. Если потянуть, клубочек будет разматываться? Или сплетется в гордиев узел?

10. Неудачный визит

В списке моих дел следующим пунктом значился визит к Павлу Васильевичу Одоевскому.

Павел Васильевич был одним из лучших друзей отца. Еще в юности они познакомились в стройотряде и продолжали общаться, несмотря ни на что. В пору моего детства Одоевский был обязательным гостем семейных праздников, дней рождений и прочих домашних вечеринок. И всегда дарил мне и братьям чересчур дорогие подарки, отговариваясь от смущенных укоров мамы отсутствием собственных отпрысков. Отпрысков у него в действительности было аж трое, но я узнала об этом много позже, когда поселилась в его доме.

Нелепые отношения, которые связали нас на несколько коротких месяцев, были полны мучительных для нас обоих противоречий. И однажды Павел Васильевич поставил решительную точку во всех наших спорах и разладах. Однако именно ему я обязана свободой в выражении сексуальных эмоций. Одоевский был известным в узких кругах содержателем салона, в котором юные и не очень нимфы одаривали своей благосклонностью состоятельных мужчин. Я не была одной из этих нимф, но могла свободно наблюдать за всем, что происходило в изысканных комнатах снятого Одоевским особняка.

Одно время я чувствовала себя униженной из-за жесткого запрета принимать участие в веселых пирушках и оргиях других обитательниц особняка, но затем поняла, что Одоевский оставил для меня открытой дверь в обычную жизнь. Мало кто из его нимф выбирался из трясины продажной любви. Даже несколько вышедших замуж прелестниц, в конечном счете, все равно вернулись к древнему ремеслу. А я отделалась лишь несколькими годами заниженной самооценки и устойчивым пренебрежением к некоторым нормам морали.

Старый особняк, в котором некогда Одоевский снимал целый этаж, давно развалился. На его месте отгрохали новое здание с отдаленно похожим фасадом: портик и фронтон заменили декоративные элементы из пластика. Этажей стало на два больше, и теперь Одоевский был не арендатором, а полноценным владельцем всего здания. Деньги он всегда зарабатывал все тем же сводничеством, но на ином уровне: знакомил людей, проводил у себя их встречи, выступал в некоторых сделках гарантом или посредником. В лицо ему говорили много уважительных слов и засыпали благодарностями, но за глаза презирали, хотя и продолжали пользоваться его услугами по всем направлениям.

Ради встречи со своим первым мужчиной я приделалась и навела красоту на физиономию. Я не люблю косметику и обычно не пользуюсь никакими красками-замазками. Но для Одоевского женщина без макияжа – не женщина, по-

этому пришлось немного расстаться. В качестве достойного одеяния я выбрала длинную каскадную юбку, полупрозрачную блузку и классические лодочки на высоченной шпильке. Я даже потратила очень некую сумму на роскошную кожаную сумку ярко красного цвета. Все это вместе взятое несколько резало глаза, но мне было наплевать.

Во всей этой гламурной упаковке я явилась в особняк в оговоренный день и час. Вежливая девушка на ресепшне была осведомлена о моем визите и объяснила, как найти апартаменты Одоевского. Она же предупредила, что хозяин этим утром еще не вставал. Бедная девочка пыталась деликатно сказать то, что я знала и без подсказок – с похмельным Одоевским лучше не иметь дела. Вот только вряд ли сама девушка знала, что это я была той единственной отчаянной душой, с которой Одоевский не рисковал связываться на большую голову. Уж очень его шокировала моя терапия обливания ледяной водой.

Нехорошее предчувствие заронилось во мне, едва за моей спиной закрылись двери лифта. На этаже было идеально тихо. Не знаю, что и как мои органы чувств определили в окружающем пространстве, но мозги в доли секунды выдали резюме: мертвая тишина. В смысле – живых здесь нет.

Прижав сумку к себе, я отправилась в путешествие по апартаментам. Нет, можно было бы, конечно, потихому смыться. Но такое решение созрело в моей голове только на приличном отдалении от лифта. И жалкие остатки здра-

вого смысла были в корне задавлены тем любопытством, которое сгубило достаточно и кошек, и неразумных девушек.

Я нашла Одоевского в нелепой желто-бежевой спальне, на кровати. Его руки и ноги были связаны вместе, отчего тело казалось упавшей на бок детской лошадкой. Голова неестественно выгнулась назад. Павлу Васильевичу перерезали горло. Аккуратно, не широко, но смертельно...

Нашарив в сумке телефон, я дрожащими руками набрала номер экстренной службы и, как мне казалось, четко обрисовала ситуацию и продиктовала адрес. На самом деле, я, конечно, лепетала что-то малоразборчивое. Не потому, что испугалась трупа (мертвые точно не кусаются, что бы там, в Голливуде, не снимали) или меня так уж шокировала насильственная смерть Одоевского (собственно, ему столько раз ее предсказывали, что меня больше удивила бы его тихая кончина от старости). Как раз во время объяснений, что я не спятила и ничего на месте преступления не трогала, мне пришло в голову, что я слишком поторопилась со звонком.

Расставшись с девушкой-оператором, я дала волю своим мыслям. Они немедленно сорвались с обрыва и полетели расправляющими крылья птицами.

Я бросилась к ванне и сдернула с металлической трубы первое попавшееся полотенце. Обернув руку этой тряпкой, я решительно дернула дверь-купе гигантской гардеробной. Окинув быстрым взглядом верхние полки, я почти сразу

увидела то, что искала. Но до старой потрепанной шляпной коробки с пола было не дотянуться.

Я с трудом подтащила к шкафу тяжелый стул, залезла на него но, даже встав на цыпочки, до коробки не достала. Пришлось воспользоваться одной из вешалок. Тыкая одним из концов деревяшки в картонный бок, я все же сумела сбить шляпницу на пол.

Ура! Осторожно сняв крышку, я развернула бумагу внутри коробки и быстро достала из старинной шляпы толстую пачку евро и скатанную в трубочку пятитысячную купюру. Прогресс. Раньше Одоевский хранил баксы и пятьсот рублей. Задрав юбку, я затолкала деньги за резинку чулок – с внутренней стороны бедра. С современной модой даже если кто и заметит некоторую неаккуратность в моей одежде, то спишет ее на фасон. Потом я максимально аккуратно закинула коробку обратно и вернула стул в комнату.

Следующая мысль заставила меня выскочить из спальни, промчаться по коридору до лестницы и сбегать этажом ниже. Здесь должны были быть комнаты нимф. Я начала стучать во все двери подряд, пока из некоторых не начали показываться заспанные физиономии девушек.

– Одоевский убит! Сейчас здесь будут менты! Уходите!

Самые смышленные девчонки уже через минуту направились к выходу. Пусть непричесанные и полуголые, зато с дорожными сумками наперевес.

Я вернулась в спальню и рассмотрела несчастного Одоев-

ского. Коснувшись его холодной руки, я попыталась представить себе эту несуразную спальню несколько часов назад. Что здесь произошло?

Вчера кто-то из девушек разбил в кабинете Одоевского зеркало. Мелкие осколки стекла усеяли пол и ковер, поэтому бизнес-деятельность пришлось перенести в спальню. Павел Васильевич долго и обстоятельно беседовал с убийцей, обговаривая детали сделок, перемежая льстивые похвалы деловой хватке собеседника бахвальством о своих неограниченных возможностях. Но затем вдруг все изменилось. Убийца заткнул Одоевскому рот тряпичным свертком, заставил лечь на кровать, не спеша связал руки и ноги, достал из принесенного свертка обычный кухонный нож, и через две минуты все было кончено...

Мое увлекательное мысленное представление смерти бывшего любовника прервали вдруг заполнившие весь дом Одоевского крепкие и решительные мужчины. Я назвала себя, подтвердила, что это я звонила, и послушно забилась в угол, отвечая время от времени на разные вопросы. С любопытством наблюдая за суетой ментов, я не сразу поняла, что сама стала объектом наблюдения.

Темный взгляд того, кто командовал «парадом» следователей и экспертов, время от времени останавливался на мне, словно решая, что со мной сделать: четвертовать или повесить. На мужчине был отличный костюм, явно сшитый на за-

каз. А его прическа волнами напомнила мне старые фильмы про чудеса кино. Только этого деятеля окружала не аура обаяния, а ореол властности.

Команда обращалась к нему коротко и соответствующе: Лорд. Вот только темных повелителей мне и не хватало для полноты впечатлений.

Лорд держался прямо и уверенно, так, словно знал все тайны мира и мог повернуть землю без всякой точки опоры. Заложи он руку за борт пиджака, получился бы Наполеон. Вскинь руку вперед – Гитлер. Я кожей чувствовала инстинктивное желание повиноваться этому человеку, склониться перед ним и пойти туда, куда он позовет, без сомнений и размышлений. Обалдеть. Почему этот человек командует пятеркой болванов в форме, а не ведет всю страну в светлое будущее?

Присмотревшись, я сообразила, что он вряд ли старше меня, совсем молодой еще парень. И при этом примчавшиеся откуда-то Бирман и его дружок-верзила явно были впечатлены его корочкой. А вот от моей ослепительной улыбки и вежливого «Здрасте» их прямо передернуло. Что они здесь забыли, интересно? Разве у ментов нет деления по территориям?

Оказалось, что дело, в котором я ухитрилась занять место в партере, в высших ментовских инстанциях отнесли к делам повышенной важности и секретности, для которых не существует границ. Ведь здесь были замешаны известные лич-

ности и криминальные структуры (по принципу два в одном: Одоевский был и известной личностью, и целой криминальной структурой). Лорд был одним из тех, кто копал под Одоевского и вот-вот собирался отправить его отдыхать под небом в клеточку, а Бирман и верзила вошли в команду как первооткрыватели темы «Рита Рогальская – звезда преступного мира».

У ментов не было ни малейших сомнений, что Одоевского грохнули в ходе криминальных разборок. Но почему-то они увязывали в одну кучу и убийство, и отравления Осинки с Дионисом. Я не поняла логической связки, которую излагал Лорд в обоснование этой теории, зато прекрасно слышала высказанное Бирманом предположение о том, что за убийцей и ходить далеко не надо – вон она, птичка, расцелась и расслабляется после нелегкой киллерской работы.

Я боялась, что придется надолго застрять на месте преступления, но примерно через полтора часа меня отпустили, пообещав вызвать еще. Я уже стояла у выхода, когда глубокий властный баритон вдруг перекрыл пространство с зовуще-вопросительной интонацией:

– Эй ты, ведьма?!

Вот зачем я откликнулась? Шла бы себе спокойно дальше, никакая я не ведьма, Ритой меня зовут. Но ведь нет, потянуло приколоться. Мало того, что я остановилась и обернулась, я еще и в тон ответила:

– Вы звали меня, Темный Лорд?

Вокруг стало очень тихо. Отозвавшись на прозвище, я подтвердила, что знала убитого слишком хорошо. Но почему черные глаза Лорда блеснули столь явным торжеством? Ему что, еще не сказали кто я? А если сказали, то неужели в его досье на Одоевского нет странички про меня? Было бы немного обидно.

– Ты ошиблась, ведьма. Я – Властелин Света.

Ой, меня забыли предупредить, что я попала в ролевое фэнтези-шоу. Кто-нибудь, подскажите мне, мы идем ловить чудиков с колечком? Или будем пытаться уничтожить мальчика со шрамом?

Выдав поразительный пассаж, Лорд уставился на меня, но не мне в глаза, а чуть ниже. С легким запозданием я поняла, что в этом сборище мужчин нашелся один, оценивший мой откровенный наряд. Лорд нагло пялился на мою грудь.

Повернувшись к замершей аудитории, я махнула рукой на Властелина Света и тоном строгой воспитательницы детского сада, объясняющей неразумным родителям ошибки в воспитании их чада, припечатала:

– Не давайте ему читать Толкиена.

В черных глазах вспыхнуло принятое решение – четвертовать. Я пожала плечами и наконец-то ушла.

11. Чужие тайны

Тяжелый день закончился тем, что еще два раза мне пришлось пересказывать лайт-версию событий Кириллу. Он сразу вцепился в меня как профессиональный журналист, поэтому на некоторых поворотах пришлось «подключать блондинку» и списывать собственную невнимательность на волнение и испуг. Увы, даже прямые жалобы на усталость не помогли мне отвязаться от его надоедливых: «А что стояло на окне?» и «Ты не заметила, где был его телефон?» Про окно я не могла ничего вспомнить, а выключенный телефон остался лежать на небольшом столике сразу у двери, но объяснять все это Кириллу у меня не было сил.

Когда он, наконец, заснул, я еще долго обдумывала свой дальнейший план действий. Увы, на Одоевского я возлагала большие надежды. И знала, как и чем на него надавить. Теперь одна из ниточек клубочка оборвалась и осталась где-то глубоко внутри. Совпадение ли, что Одоевского убили как раз тогда, когда я собиралась встряхнуть из него все, что он знал о родителях и обо мне самой?

Может, перестать копать семейные тайны? Так я ведь даже не понимаю, есть ли они, эти тайны? Может, дело в чем-то другом? Осинка была знакома с Одоевским, и даже пару раз бывала у него в доме. Фотограф тоже был знаком с Одоевским, поскольку оба одновременно могли бывать в нашем

доме. Может, он делал для моего бывшего какие-нибудь провокационные снимки? Осинки, например? Хотя сомневаюсь, что даже искусство Диониса способно создать из ню-фоток Осинки то, ради чего можно начать убивать направо-налево. Ну, разве только в обратном смысле... Чтобы больше ни у кого и мысли такой не возникало.

На следующий день, едва Кирилл отчалил в редакцию, я отправилась к Терабайку, веселому парнишке из Люберец. Он все пытался сделать деньги на интернет-кафе, посетителями которого неизменно оказывались мутные подростки, отчего все потуги хозяина кафе сделать заведение интеллектуальным и солидным быстро проваливались. Все его заведения напоминали зал советских игровых автоматов. Несколько раз кафе сгорало дотла, но Терабайк с упрямством носорога снова и снова восстанавливал свой «частный бизнес». Я могла бы, конечно, воспользоваться компьютером Кирилла, но не хотела оказаться в идиотском положении, если бы вдруг наткнулась на что-нибудь вредоносное. Подставлять лучшего друга Энского мне тем более не хотелось. Идти в незнакомое место могло оказаться рискованным. А Терабайк простил бы дорогой Мэл все, лишь бы она, как и прежде, пожелала ему счастья.

Единственный щекотливый момент заключался в том, что я не хотела, чтобы Терабайк засунул бы свой мясистый нос в мою информацию, но и это обошлось. Ему пришлось разнимать подравшихся подростков, не поладивших в вирту-

альном пространстве и перенесших выяснение отношений в реальную жизнь.

Пятитысячная купюра, свернутая трубочкой, была ключом к коллекции видео уважаемого Павла Васильевича. С нимфами, а также разными известными и богатыми личностями в главных ролях. Павел Васильевич уверял, что никогда ничего не снимает. Но некоторые записи свиданий использовались в качестве страховки на случай осложнений в отношениях с нимфами и их посетителями. Цифры номера купюры были паролем к серверу, реально расположенному где-то за океаном. И первое, что я сделала, кое-как разобравшись в жутком количестве разных опций управления, так это поменяла пароль.

Когда-то давно Одоевский гордился своей коллекцией, но затем упоминание о существовании видео стало табу. Павел Васильевич заявлял, что даже подозрение о том, что он может заниматься столь грязным делом, воспринимает как оскорбление.

Тем не менее, коллекция существовала и пополнялась. Причем давние съемки, что называется, в домашних условиях, не шли ни в какое сравнение с тем, что я увидела сейчас. Качественная картинка, хороший звук, кое-где даже отслеживание камерой отдельных моментов, крупные планы лиц, динамичный монтаж – кто-то отлично поработал и подзаработал на киношках для Павла Васильевича. Одоевский вроде не занимался шантажом, справедливо полагая, что башку

быстро оторвут. Но, может, что-то изменилось, иначе зачем тратить столько сил на создание профессиональных фильмов?

С точки зрения шантажиста коллекция, наверное, стоила миллионы. Приятно, конечно, узнать, что потенциально являешься счастливой обладательницей таких денег. Неприятно вдруг понять, что за полученную информацию и отравят, и горло перережут, и в придорожном лесочке тихо закопают...

На прощание я, как и прежде, предсказала Терабайку скорое изменение в жизни: в ней должна была появиться путеводная звезда, которую необходимо уважать и слушаться. Может и впрямь, найдется толковая женщина, в руках которой из увальня получится отличный муж и отец.

Купюру в пять тысяч я разменяла на рынке у станции, купив в приступе шопинг-азарта шелковый халатик до пят, усеянный рюшечками и бантиками. Буду изображать фею – дореволюционную барышню. И считать, что Одоевский сделал мне подарок.

Добравшись до своей норы в Крысино, я вдруг приняла революционное решение. Несколько лет я жила, что называется, на чемоданах. Причем, в роли чемоданов выступали картонные коробки с всевозможным хламом, который я смогла выторговать по мелочам у отца. К старым коробкам добавились новые. Кроме коробок появились большие клет-

чатые сумки. А выбросить что-либо казалось мне невозможным. Бедность вырабатывает привычку хранить все, что может пригодиться. В результате запасы растут, а жизненное пространство сокращается.

Так жить нельзя, надо что-то делать. Я наметила порядок действий и приступила к нудной работе по разбору завалов и запасов.

Первой пострадала цивилизация моли, уже начавшая постигать тайны строительства пирамид на жалких клочках меха, едва держащихся на съезжившейся высохшей шкурке моей детской шубки. Возможно, маленьким белым бабочкам повезло продолжить свое развитие в ином месте, поскольку я не устроила им тотальный геноцид, а всего лишь изменила координаты их вселенной. То есть завернула шубку в пакет и вытащила на помойку.

Понадобилось еще три рейса к мусорке во дворе, чтобы избавиться от склада стаканчиков из-под йогурта, пластиковых бутылок, битых тарелок и сломанных кастрюль, нескольких мешков с ветхими вещами, которые я носила в детстве, нескольких стопок макулатуры, собрания старой обуви, связок деревяшек, коллекции растянутых резинок для волос и непригодных заколок. Вздохнув, я избавилась и от кучи пустых коробочек, которые потенциально могли сыграть роль хранилища для чего-либо ценного.

Шмоток у меня было не так уж много, но почти два часа я энергично разбирала старые кофточки и водолазки, юбки

и джинсы, откладывая только то, что носила в данный момент. От остального следовало избавиться. Я сделала исключение только для одной вещи. Фирменного дизайнерского комплекта какого-то полоумного француза. Этот уродский желтый костюм я ненавидела. Но выбрасывать не хотела. Стоило моей пятой точке почесаться в ответ на мысли о поисках приключений, как сигнальный маркер в мозгах сразу выдавал сигнал отбоя, образно представляющий из себя как раз мой вид в этом желтом помешательстве.

Самое трудное ожидало меня в предпоследней коробке. Среди старых школьных дневников и тетрадок я откопала полиэтиленовый пакет с детскими фотографиями. Я знала, что они там есть, и хорошо помнила почти все снимки, но, тем не менее, никогда их не доставала. Зачем травить себе душу, когда этим с успехом занимается куча народа вокруг?

Теперь же, высыпав фотки прямо на пол, я была шокирована. Моя память о себе оказалась достаточно далекой от того, что запечатлели фотки. У совсем маленькой меня было ангельское личико с широкой безмятежной улыбкой. В школьном возрасте стало преобладать серьезное выражение лица, сразу выдающее тихоню и отличницу, погруженную в собственные думы. На последних по времени двух фотографиях – с выпускного вечера – я казалась тоненьким и бледным привидением, словно случайно оказавшимся среди веселой толпы разодетых парней и девушек. Неужели все было настолько плохо, неужели я все это уже забыла?

Потом одна карточка из раннего детства полностью завладела моим вниманием. Это был групповой снимок со дня рождения старшего брата Костика, и на нем впереди стоял сам Костик, я, Акела и еще двое парнишек. А вот сзади дружно обнимались отец, мама и еще один крупный мужчина с простым выражением лица. Мужчина был мне смутно знаком, но я была точно уверена, что в более позднем возрасте он уже не был гостем нашего дома, даже при жизни мамы. Я вглядывалась в его лицо, но никаких ассоциаций не возникало, никаких воспоминаний, ничего. И все же он должен был быть близок нашей семье, ведь здесь, на снимке, он так запросто обнимал маму за плечи, а отец обнимал его, вытянув поверх его руки свою...

Кто он? Родители с ним дружили? Почему перестали? Где он сейчас? Может, у этого человека есть ключик к семейным тайнам?..

После разборок все бумаги и документы уместились в сумке-планшете, шмотки заняли одну-единственную коробку, постельное белье и разные мелочи влезли в две клетчатые «мечты челнока». Часть пачки денег я спрятала под дверцей встроенного шкафа в прихожей. Держащаяся на двух гвоздях фанерка приоткрывала пространство между двумя сторонами двери и была самым провидением предназначена для хранения разных тайных вещей. А несколько денежек я оставила в шкатулке с нитками. Если уж воры залезут в мою нору, пусть порадуются.

С точки зрения китайцев мой дом теперь должен был наполниться жизненной энергией «ци», свободному течению которой до этого препятствовал мусор. Надеюсь, столь резкие и неожиданные изменения в этом течении не повлекут за собой разрушительных последствий. Ведь большое значение придается и сохранению баланса.

Уже в опустившейся на город темноте, оглядывая с радостным изумлением почти пустую комнату, я вдруг поняла, что не разобрала вещи, а, скорее, собрала их. Словно собиралась покинуть свою нору навсегда... Предвидение? Или подсознательно принятое решение?

Трясаясь в старом автобусе, медленно перемещавшем меня к Кириллу, я размышляла о своих порывах. Зачем я украла личный архив Одоевского? Чтобы досадить стерве, числящейся его женой? Мадам всегда рвалась засунуть нос в его дела и наверняка будет исходить злобой от невозможности разыскать самые лакомые куски. Но неужели я настолько мелочна?

Или я хочу получить кучу бабла, потому что некоторые секреты Одоевского стоят больших денег? Что, правда, буду шантажировать почтенных отцов семейств связями с красивыми девушками?

Может, мне не терпится оказать помощь следствию и получить медаль за выкладывание всех неприглядных тайн Павла Васильевича?

Иногда я совершенно себя не понимаю.

12. Белые халаты

Для того чтобы загубить день, начните его вместе с Гусеницей.

Неугомонная мама Кирилла твердо решила, что если уж сын выбрал себе в подружки столь неподходящую особу, как я, то она сделает все возможное, чтобы наставить меня на путь истинный. Честно говоря, меня впечатлило то, что Кирилл вообще смог донести до матери то, что наши с ним отношения – нечто серьезное. Не то, чтобы у меня был большой опыт в общении с мамами близких мне, но резкий переход от грубых определений вроде «шалава» к уменьшительному «Ритулечка» казался прямо-таки волшебным. До сих пор в отношении ко мне никто не демонстрировал такой гибкости.

О своем мирном отношении к этой перемене я быстро пожалела. Елена Афанасьевна поставила себе высокую цель, сверхзадачу для супермамы – приобщить меня к подлинной духовной жизни посредством обращения в православное христианство. С ее точки зрения вера заключалась сугубо в обрядовой стороне церковной жизни, поэтому и мое воспитание она начала с уговоров сопровождать ее на воскресные службы.

– Ты, Ритулечка, может, не сразу, но поймешь, что ничего лучше для души нет, чем отстоять службу. Ангелы так и сле-

таются с небес от злых чертей тебя охранять. А Господь милостями одарит сразу, надо только часик в неделю потратить. Давай, милая, соберешься, помолишься, грехи свои исповедуешь и сразу почувствуешь Христову благодать. Да и для здоровья полезно.

– Елена Афанасьевна, видите ли, мне пока Христова благодать не светит. Я не крещеная.

– О-ой, да как же это ты?.. Да что ж ты ждешь то?..

– Не уверена я в вере своей, так зачем креститься?

– Ритулечка, это у тебя от непонимания. Надо, надо обязательно креститься. Чем раньше в церковь придешь, тем больше благодати и получишь.

Меня словно стукнуло. Мудрые люди уже две тысячи лет назад все об этом написали. Я быстро парировала:

– А помните, в Евангелие от Матфея есть притча о хозяине виноградника и о том, как он расплатился с работниками?

Гусеница застыла почти на манер соляного столпа. Можно спорить на любые деньги, что притчи она не то, что не помнила, а и вообще не знала. Немного выпрямившись и придав голосу распевные речитативные нотки, я проговорила:

– Глава двадцатая: «Пришедшие первыми думали, что они получают больше, но и они получили по динарию, а получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнивал их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал: разве я не властен делать, что хочу? Будут последние первыми, и первые

последними, ибо много званых, а мало избранных...»²

Сделав паузу, чтобы было понятно, что религиозный текст уже закончен, я добавила:

– Я лучше приду вечером и все равно получу динарий. Мир несправедлив.

Кирилл смотрел на меня с откровенным изумлением. Я боялась, что он вдруг спросит, с какого перепуга молодая девушка в наше время свободно цитирует Евангелие. Но он только поинтересовался:

– Ты только Матфея знаешь?

– Не дословно, конечно, но раньше многое из всех четырех знала, сейчас, наверное, что-то подзабылось.

Елена Афанасьевна закрыла рот, потом снова его открыла, словно собиралась что-то сказать, потом все же передумала. Она быстро собралась и ушла – несомненно, обретать Христову благодать.

– Ты, случайно, в монастырь не собиралась?

Кирилл все же перешел к неудобным вопросам, пусть и подбирающимся к теме издали. До встречи с ним я провела несколько лет в своем собственном персональном монастыре, но как это попроще ему объяснить? «Милый, это такая длинная история, давай присядем, и я успею рассказать ее тебе раньше, чем на землю упадет большой метеорит». «Дорогой, это покажется тебе необычным, но все бы-

² Рита цитирует притчу о хозяине виноградника весьма вольно, опуская некоторые строфы.

ло так ужасно, так ужасно». «Солнышко мое, это был такой мрачный особняк, а в нем жила вредная старуха, которая заставляла меня читать ей Евангелия вслух целыми днями».

В итоге я ограничилась более коротким:

– Нет, но что ты думаешь о 28 строфе пятой главы: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем»?

Кирилл обнял меня и уронил на кровать:

– Виновен. С этой женщиной я прелюбодействую все время...

Зазвонил телефон.

Даже в выходной моего любимого мужчину ждали писательские подвиги.

Не следовало начинать день с цитат из Библии. Тем более с таких цитат. Кирилл уехал на целый день, и я расстроилась. Но, поразмыслив, решила, что терять время не стоит, если можно попробовать разузнать что-нибудь интересненькое.

Обычные девушки хорошо ориентируются в каких-нибудь политических кулуарах или театральном закулисье, но я необычная девушка, и если бы проводились соответствующие чемпионаты, я была бы бесспорной чемпионкой по ориентированию в больницах любого уровня.

Несмотря на все преграды и заслоны, возведенные заботливой мамой Ариадной возле навороченной палаты дочери, я проникла туда примерно к трем часам дня. Все, что потре-

бовалось – белый халат, акцент и пара сотен рублей.

Осинка лежала в лекарственном сне, облепленная капельницами и трубочками катетеров. Ее койка выглядела подобием стартового ракетного комплекса. Вокруг стояли мониторы, датчики, компьютеры. Половина из них не несла никакой информации вообще (и не могла нести, так как даже не была подключена к розеткам). Видимо, руководство больницы собрало всю эту бутафорию ради произведения впечатления на Ариадну (и выставления соответствующих счетов за лечение). Я уже знала, что, несмотря на жалкий вид подруги, ее будущее выглядело вполне оптимистично. Но если между собой сиделки трепались об этом свободно, то звезды преподносили только неопределенные домыслы и только из уст медицинских светил.

Я осторожно примостилась на край постели Осинки. И бережно взяла ее руку в свою. Давай, подружка, постараемся увидеть что-нибудь еще. Белая рука лежала в моих ладонях теплым, но безжизненным фаршем. А я ничего не ощущала. Совсем ничего.

Не было даже малюсенького намека на самое крохотное виденье. Даже мыслей никаких в голову не приходило. Кроме того, что кто-то из ухаживающих за Осинкой сестер был весьма небрежен – один из прежде холеных ногтей на руке пациентки был варварски зарезан до мяса.

Я попробовала вспомнить наши веселые денечки, гулянки, секретики. Без толку. Представила Осинку в петле. Без-

успешно. Дотошно вспомнила остановку в ее комнате. Все равно ничего. Помаявшись минут пятнадцать, я осторожно вернула руку подруги в прежнее положение. Затею следовало признать бестолковой.

На площадке у лифтов я нос к носу столкнулась с Ариадной Сергеевной. Неужели я приврала в цитате, и теперь небеса гnevаются? Первой мыслью было притвориться мебелью и тихо проскользнуть мимо звезды. Но не удалось. Ариадна высокомерно оглядела мой маскарад и поморщилась:

– Боже, даже здесь от тебя нет никакого спасения. Зачем пожаловала?

– Да я на минутку, думала, может, чем-нибудь Осинке помочь.

– Глупая и дурная мысль. Осинке нужен покой, а не общение с взбалмошной подружкой.

Странно, вроде раньше Ариадна не позволяла себе таких наездов на меня. Что изменилось? Есть что-то, чего я не знаю? Потом у меня мелькнула быстрая мысль, что я могу попробовать использовать ситуацию для себя. И я спросила:

– Ариадна Сергеевна, а вы хорошо помните мою маму?

Вот зря я так. Нельзя людей без предупреждения вопросами напрягать. Но, задумавшись секунд на десять, Ариадна ответила:

– Значит, опасения Жени не напрасны: ты действительно интересуешься матерью. Да, я хорошо помню твою маму.

Мы были подругами, если ты не забыла. Она меня понимала. Но огромное количество вещей она совсем не понимала. Например, что нельзя иметь все, что хочешь. Или что невозможно быть одинаково любимой всеми. Или что усыновленный ребенок все равно остается приемышем и не более.

– Я нее похожа?

– Даже и думать забудь. Маша была красавицей для любых времен. А ты, уж прости меня за откровенность, словно плохая пародия на то, какой она была. Я не отрицаю, что-то общее есть, но порой думаешь, что лучше уж и этого сходства не было бы.

– А вы знаете, как меня усыновили?

– Как всех. Привели за ручку в дом и начали учить пользоваться туалетом, носить тапочки и есть вилкой.

– Мама когда-нибудь говорила, почему выбрала меня?

– Ты была очень хорошенькой в детстве, прямо картинка. И, думаю, Маша была разочарована тем, в кого ты выросла.

Ариадне нравится говорить обо мне гадости? Откуда это взялось, вот в чем вопрос. Однако вслух я спросила о том, что не давало мне покоя:

– А вы знаете, что мама изменяла отцу?

Еще один пристально-настороженный взгляд Ариадны выдал ее ответ. Да, она знала. И, вероятно, куций хвостик информации, накопанный мной, был самой верхушкой айсберга.

– Рита, я не хочу обсуждать личную жизнь твоей матери.

Это неприятно мне, и крайне неуважительно с твоей стороны.

– А почему она не ушла от отца?

На этот раз взгляд был снисходительным:

– Маша была без ума от Жени. Я бы даже сказала, у нее была болезненная зависимость от него. И она полностью вручила ему свою жизнь, никогда ни о чем не заботилась, абсолютно все предоставлялось делать и решать твоему отцу. А он боготворил ее, иначе и не скажешь. От таких мужчин не уходят...

– А он знал о ее приключениях на стороне?

– Она не особенно пряталась. Но он всегда был выше подозрений. Верил только ей. С одним другом у нее вышла совсем смешная история: этот малый явился к твоему отцу и все ему выложил. И получил по морде за клевету.

– А...

– Все! Я сказала – мне это неприятно. Не порочь память матери своими грязными домыслами. Ты молиться должна на то, что она тебя выбрала и на ноги поставила.

– Ариадна Сергеевна, последний вопросик, пожалуйста. Это правда, что она покончила с собой?

Гордый поворот головы, царственный взгляд на совершеннейшее ничто у ног, сквозь зубы брошенное «не знаю» на грани понимания, что это не дефект акустики, а именно ответ, и Тернопольская уплыла от меня вдаль по этажу. Ничего нового. И как мне подобрать ключики к этому ларчику?

У Диониса мне тоже не повезло.

Он лежал в другой больнице, попроще и попримитивнее. Я проторчала в его палате полчаса, но так ничего и не доби-
лась. Мои способности молчали.

В отличие от злого мужчины с темными глазами, который окликнул меня, едва я спустилась с крыльца:

– Ведьма!

Ну уж нет, два раза этот фокус не сработает. И надо же, в одной больнице попасться Ариадне, в другой – Лорду. Это наказание какое-то. Зацикленность на молчащем внутреннем голосе выключает меня из внешнего мира, а там разные подстерегающие невинных кроликов тигры того гляди слопают пушистых бедняжек вместе с ушками и хвостиком.

Лорд в три широких шага перегородил мне дорогу и гневно воскликнул:

– Ты что, оглохла? Я к тебе обращаюсь!

Примерно с такой же интонацией Людовик-Солнце, наверное, обращался к фрейлинам, которых заподозрил в неучтивости. Подумаешь, нашелся, тоже мне, монарх. И я вложила в ответ максимум легкомысленного пренебрежения:

– Мы знакомы?

Перебор, Рита, явный перебор. Этак бедного парнишку удар хватит. Нельзя над мужчинами так откровенно смеяться. Особенно над теми, кто воображает себя пупом земли.

Впрочем, Лорд быстро взял себя в руки. Подрастет – далеко пойдет.

– Что ж, раз ты предпочитаешь такой стиль... Я – Серго Лордкипанидзе, меня часто называют просто Лордом. И в моей власти прямо сейчас отправить тебя за решетку по подозрению в убийстве.

– Валяй.

– Что ты делала у фотографа?

– Навещала старого друга.

– Он без сознания.

– Знаю. Но в сериалах всегда показывают, что люди в коме могут слышать, что с ними разговаривают, да и заботу чувствуют.

– На тебе сразу два белых халата. Значит, это второй визит за сегодня?

М-да, это что-то клиническое, видимо. Представив себя со стороны, я невольно рассмеялась. Но Лорд даже не улыбнулся. И от его следующих вопросов у меня не то, что мурашки по коже забегали, они построились и начали парад с перестроениями и выкладыванием фигур вроде надписи «Опасность».

– Почему ты считаешь себя ведьмой?

– О, нет. Я *не* считаю себя ведьмой. Прозвище дурацкое прилипло.

– И ты никогда не ощущала ничего необычного?

– Что имеется в виду?

– Умение управлять другими людьми. Предвидения. Знания, которые появляются сами по себе. Изменение судьбы.

– Манипулирование, навыки аналитического мышления, хорошая память, принятие небанальных решений... Нет, это не про меня.

– И как же ты оказалась втянута в масштабное дело с убийством?

– Я бы и сама хотела это знать.

Я ловко обошла собеседника и направилась по дорожке к больничным воротам, заставляя его пойти рядом. Но Лорд и на ходу продолжал забрасывать меня вопросами:

– И у тебя никогда не было чувства, что ты отличаешься от других людей?

– По-моему, такое чувство свойственно любому и каждому, особенно в возрасте лет пятнадцати. Разве нет?

– Ты не думала, что относишься к немногим избранным с особыми способностями?

– А что, предложишь съесть таблетку на выбор: синенькую или красненькую?

– Не слишком умно отвечать вопросом на вопрос.

– А я на ум особо и не претендую. Я, знаешь ли, простая девушка. Десять классов школы и все.

Лорд снова загородил мне дорогу:

– Я твое нежелание признаваться понимаю. Но знаю, что ты – вовсе не простая девушка. Будь у тебя хоть десять классов, хоть десять дипломов. И мы с тобой встретились неслучайно.

чайно. Ты ведьма, а я – охотник за ведьмами.

Прежде чем я успела применить волю к своему внутреннему голосу, он громко и фальшиво запел: «Во-о-о-от! Но-о-о-о-вый поворот-о-о-от!...» Загнав гадкого музыканта обратно в подсознание, я попыталась вникнуть в то, что патетически излагал Лорд:

– Я – охотник в хорошем смысле. Я изучаю разные необычные способности. Быстрые реакции, неожиданные связи мозга, инстинкты, шестые и прочие чувства. И тех, кого обычно называют ведьмами и колдунами.

Я не удержалась и скептически парировала:

– Эзотерика – это не ко мне. Это к моему отцу. У него и книга такая есть – «Индивидуальная настройка космических струн». Там колдунам отдельная глава посвящена.

– Я уже общался с твоим отцом. Он много интересного о тебе рассказывает.

Я попыталась перевести разговор в другое русло:

– Каким образом все это связано с убийством Одоевского?

– Я заинтересовался Одоевским из-за ненормального поведения, которое ему всегда сопутствовало. Мы три года под него копали и когда вот-вот были готовы накрыть его с полным, появилась ты, и его убили.

– А-а, значит, на хэллоуин надену черный плащик, возьму наточенную косу в руки и буду ходить по домам выпрашивать конфетки. Как, по-твоему, много инфарктов будет?

В темных глазах сверкнул злой огонек.

– Одоевский считал тебя своим талисманом удачи. Даже по пьяни болтал, что пока ведьма с ним, ему сам черт не страшен.

Я снова рассмеялась. Даже не так. Я заржала не хуже команды пожарников. Отдышавшись, но продолжая глупо всхлипывать, я его просветила:

– Лорд, ну и плохо же вы копали. У Одоевского была картина, которая называлась «Желтая ведьма». Причем, написал ее известный и дорогой художник. Вроде как расплатился с Павел Васильевичем за услуги. И, к сведению, все это было еще до моего рождения. Так вот, на картине изображена девушка, сидящая в уличном кафе. Вокруг все серо и уныло, люди выглядят размытыми пятнами грязи, и желтый плащ девушки кажется светлым пятном в беспросветной повседневности. Лица главной героини не видно, только локоны светлых волос склоненной над книгой головы. А ведьма она, потому что лежащая перед ней книга – толстый древний фолиант со страницами, покрытыми жуткими формулами. Так что ко мне предрассудки Одоевского не имеют никакого отношения.

Лорд вынул руки из карманов и сделал короткое движение, словно пытался удержать самого себя от агрессии по отношению ко мне. Забавляясь его растерянностью, я продолжила:

– Одоевский только в минуты крайней злости обзывал ме-

ня ведьмой. Не знаю, обращался ли он так к другим своим подружкам, но картина явно значила для него куда больше любой из нас – он то любовался ею часами, то снимал и задвигал за шкафы в библиотеке, то рамы менял. В общем, любил он картинку эту, ясно?

На несколько секунд лицо моего собеседника приобрело детское, почти счастливое выражение. Так малыши радуются собранному паззлу. Но затем Лорд снова одел маску величия и одарил меня еще одним крайне мрачным взглядом:

– Мы перевернули вверх дном весь особняк Одоевского, но там точно не было такой картины.

– Значит, Павел Васильевич потерял свой талисман удачи.

Лорд отреагировал своеобразно. Царственно махнув рукой вперед, он торжественно провозгласил:

– Поехали. Вон тот серебристый мерс – мой.

Никто не собирается снимать новую «Клеопатру»? Или хотя бы сериал вроде «Рима»? У меня на примете есть отличный Цезарь: заменить костюм на тогу, и самый строгий критик не придерется к целостности образа.

Ловко обойдя монументальную фигуру, я вбежала в боковые ворота и только тогда повернулась:

– Спасибо, я на метро. Пока!

– До встречи, ведьма.

Спокойная уверенность властного голоса поселила где-то внутри моего подсознания острое чувство тревоги. Ох, лишь бы богини судьбы в своем макраме не запутались.

13. Старший брат

После непродолжительных споров Кирилл согласился с моей идеей отправиться в гости к старшему брату. Возможно, Константин сможет ответить на большинство моих вопросов, в конце концов, он был совсем взрослый, когда мама погибла. Наверняка знает о ней намного больше, чем я.

Поддержал меня и Саша, которому я позвонила, чтобы узнать, как связаться с Костей. Коротко сообщив мне телефон и адрес, а также пообещав уговорить мудрого Каа, чтобы он не выставил меня прямо с порога, брат неожиданно спросил:

– А ты дружишь с Анютой? Ну, девушка у вас с Кириллом в гостях была. Симпатичная такая, светленькая с длинными волосами. У тебя случайно нет ее телефона? Или мейла, хотя бы?

Насчет обязательности схемы «увидел-влюбился-телефон» я точно ошибалась.

– С каких это пор ты разыскиваешь девушек? Кажется, ты всегда, наоборот, стремился избавиться от поклонниц?

Акела медлил с ответом. Боится показать, что заинтересован? Не хочет выдавать, что не только помнит Анютку, но и думает о ней чаще, чем хочет? Дурачок, все эти игры для меня не имеют значения.

– Она не поклонница. Я только обещал ей кое-что пере-

дать.

Если в моей власти, братик, сделать тебя счастливым, я сделаю. Пошелестев страницами записной книжки Кирилла, я продиктовала брату телефон и, между прочим, сообщила:

– Хочешь секрет? Анютка – спортсменка: плавает, стреляет и на лыжах с трамплина прыгает. От нее все экстрима ждут, активного образа жизни, динамики. А у нее медленное хобби: она очень хорошо вышивает, но стесняется такого тихого и домашнего увлечения. Так что путь к ее сердцу лежит через восхищение ее картинами. Понял?

– Ритка, ты самая лучшая сестра на свете!

Увы, для старшего брата я не только не была сестрой, я вообще никем не была. Если только пустым местом.

Костя всегда относился ко мне с некоторым пренебрежением. Хотя он был старше всего на пять лет, он всегда был для меня недостижимо взрослым и серьезным. Я играла в куклы, а у него уже были настоящие учебники, которые мне, малявке, даже трогать запрещалось. Я осваивала букварь, а он всерьез изучал строение вселенной, расковыривая фантастически интересный набор «Юный химик», от которого мне досталось только две пустых пластмассовых баночки из-под химикатов. Я скучала над химией в школе, а он поступил в институт и работал, получая вполне серьезную зарплату. Единственным связующим звеном между нами был Саша, которого мы раздирали, каждый в свою сторону.

Все окончательно развалилось после смерти мамы. Перед отъездом из столицы мудрый Каа жестко высказал и мне, и Акеле, что раз уж мы не родные друг другу, то и пробиваться в жизни должны каждый сам за себя. То, каким именно образом я чуть позже пыталась даже не пробиться, а элементарно выжить, Костя счел неприемлемым, после чего я его ни разу не видела. Хотя с Сашей они не только общались, но и приезжали друг к другу в гости.

То, что в рассказах братьев скромно называлось «Домик Кости», оказалось огромной усадьбой за массивным глухим трехметровым забором, над которым возвышалось нечто вроде смотровой башни. Выйдя из такси, я сначала не поверила, что мне доставили точно по названному адресу. Но ошибки не было. Рядом с массивными черными воротами с нелепыми золотыми ангелочками висела аккуратная табличка с адресом. Позвонив в калитку, я пережила последовательные беседы с тремя молодчиками в военной форме, каждый из которых был ступенькой в сложной иерархии охранников. Затем меня передали строгой женщине в костюме, оказавшейся управляющей имением.

Под ее бдительным присмотром я прошагала метров двести по дорожке от башни к особняку. Дорожка была выложена желтым кирпичом и напоминала иллюстрацию из книжек про Волшебника Изумрудного города. Это вселило в меня немного уверенности. Сказки обычно кончаются более-ме-

нее хорошо (если не считать тех героев, которые являются второстепенными, малозначимыми или не дошедшими до заветного замка, колодца, дерева или вулкана).

Наконец, я проникла внутрь здорового трехэтажного особняка с балконами, террасами, пристроенным зимним садом и бассейном. Константин ждал меня в одной из гостиных, развалившись на огромной тахте. На нем было что-то вроде шелковой пижамы: широкие темно-синие штаны и бордовая рубашка, перетянутая пояском. Несмотря на окружающую его роскошь, брат выглядел старым, бесформенным и несчастным. Не зная я, что ему едва минуло тридцать, я бы решила, что ему прилично за сорок. Ощущение усиливалось небритостью и устойчивым запахом перегара, который не могли перебить ни распыленные освежители воздуха, ни мятная жвачка, перекачиваемая братом во рту туда-сюда.

Судя по скривившемуся лицу некогда мудрого Каа, его впечатление обо мне тоже было не слишком позитивным. Плюнув шариком жвачки в угол комнаты, он снисходительно спросил, опустив все церемонии приветствий и дежурных вопросов:

– Ну, зачем пожаловала?

Мне нужно отвечать вот так, стоя в дверях? Если я сяду вот на тот атласный стульчик, это не будет воспринято как покушение на порчу имущества? Я сделала несколько маленьких шажков вперед и осторожно опустила край попы на кремовую поверхность. Наверное, также чувствовали се-

бя какие-нибудь ходоки в гостях у батюшки-царя.

– Костя, я хочу побольше узнать о маме. Понять, какой она была. Ты ведь лучше ее знал. Расскажи мне, что помнишь. Пожалуйста.

– Подумать только, бестолковка вспомнила о маме. Тебя снова вышвырнули из какого-нибудь дешевого борделя?

– Не была я ни в каком борделе. Встречаюсь с хорошим парнем. Хочу понять, кто я.

– Ой-ой-ой, да кто тебя, прошмандовку, честной бабой сделает? Пропись и не марай памяти матери. Она была неземной женщиной, а ты – словно кривое зеркало. Куда ни плюнь, везде изъяны.

– Я нашла мамины фотографии. Она была очень красивой. Наверное, мужчины были от нее без ума.

– Это все, что тебя волнует? Лишь бы мужики без ума были? Дурой была, дурой помрешь. Мама отца любила, если ты, конечно, понимаешь, что такое любовь. Она понимала. И по-настоящему любила, на всю жизнь. Не в красоте дело, а в чувстве.

Костя сделал паузу, чтобы отдышаться, а потом уже спокойно спросил:

– А где ты нашла фотографии?

– У одного фотографа. Он сделал несколько снимков мамы в стиле Серебряного века. Очень красивые снимки. Он и меня пытался так снимать, но Акела говорит, что плохо получилось, хотя я на нее похожа.

– Глупости не мели.

– Слушай, Костя, ну почему ты так меня не любишь? Я ничего плохого тебе не делала, ничего у тебя никогда не просила. Меня точно также усыновили, как тебя. Мы же дружили в детстве.

– Мои родители умерли. Но они хотя бы существовали. А ты – никому не нужный выродок. Ты должна была умереть. Я помню те разговоры: всего каких-то полчаса не хватило, и мне не пришлось бы тебя терпеть.

– А в своих родителях ты уверен?

– Более чем. Я выкупил документы из дома ребенка, нас всех из одного и того же дома номер сорок пять усыновляли. И в тех бумагах все честь по чести расписано. Моя мать при родах умерла, а отец на стройке погиб. Сашкины родители утонули. Мы – нормальные. Я даже могилы своих нашел. А вот ты – неизвестно кто. Ты – урод по определению.

– Ты не можешь принять того, что я была нежеланным ребенком?

– Мама на тебя тратила кучу времени. Возилась с тобой, причесывала, одевала, холила. Ты помнишь, как она учила тебя танцевать? А как костюмы тебе шила для школьных постановок? Как же, Рите надо то, Рите надо это. Моей дорогой девочке нужны настоящие лодочки, нашей красавице нужны шелковые банты. Тьфу! Даже думать об этом противно.

– Но почему, Костя? Она же любила тебя не меньше. Ты получал все, что хотел.

– Тогда мне казалось, что время – бесконечно. Но она погибла. Ты отняла у нее то время, которое могло быть моим. Или Сашкиным. Она была святая и не понимала, что тратит свои драгоценные силы на отбросы.

– Ты винишь меня в том, что тебе ее не хватает?

– Уходи, Маргарита. Ты только злишь меня понапрасну. Я не хочу тебя видеть, не хочу с тобой говорить. Тем более о маме.

Я поднялась и осторожно попятилась к выходу. Есть то, что не в нашей власти изменить. Если уж брат сделал меня козлом (или козой?) отпущения, даже суд по правам человека не докажет обратного.

– Кстати, о твоих связях... Ты о генетике подумала? О том, какие уроды произвели тебя на свет? Поразмышляй и не плоди себе подобных. Ты не должна рожать, ясно?

Я о многом размышляла. И однажды даже проконсультировалась у одного дорогостоящего специалиста. Все, что светило медицины мне изрекло, укладывалось в короткую фразу «всякое бывает». Но брат явно перешел все мыслимые границы. Это равнодушное чмо еще будет рассуждать, должна ли я рожать! Зная, что позже пожалею о сказанном, я отступила еще к двери и выпалила:

– А почему мама не рожала? Может, у нее тоже были основания сомневаться в генетике?

– Ах ты, погань... Самой мало вывалиться в грязи, так еще и память матери замарать хочешь?

Костя стал тяжело выбираться из подушек.

– А ты свою родню до какого колена проверил? Точно уро-
дов не было? Родня не рвалась тебя усыновить, может, по-
дозревали, что ты семейные закидоны унаследовал? Боялись
такого уроды в дом пустить?

– Пошла вон отсюда! Чтобы духу твоего здесь не было!
Увижу – прирежу и в реку выкину. Поняла?

Перекошенное лицо Кости выражало крайнюю злобу.
Я повернулась и быстро прошла по коридору. Едва я чуть
притормозила у выхода, брат догнал меня и сильно толк-
нул в спину. Мне удалось уцепиться за косяк и не упасть.
Я промчалась по лестнице и спустилась на дорожку из жел-
того кирпича. Теперь она не выглядела сказочной. Выско-
чив за калитку, на улицу, я остановилась, пытаясь сосре-
оточиться на мыслях. Брат вышел вслед за мной. Я решила, что это
удобный момент для:

– Прости меня, я слишком резко выразилась. Не надо бы-
ло об этом говорить.

– Тупая дура!

Удар в лицо свалил меня на бетонную дорожку...

Мгновенный приступ острой паники лишил меня остат-
ков здравомыслия. Сжавшись в комочек, я дрожала всем те-
лом, задыхаясь от ужаса и ощущения невозможности спасе-
ния. Не знаю, сколько я так пролежала под красивыми воро-
тами с золотыми ангелочками. Лишь постепенно до созна-
ния стало доходить, что рядом никого нет. Кое-как я встала

и попробовала коснуться лица. Левый глаз не открывался, щека горела огнем, а руки тряслись как у старушки, лет двадцать страдающей от болезни Паркинсона.

Я знала, что вселенная несправедлива, что люди несправедливы. Но жестокость брата оказалась хуже, чем все, что я могла себе о нем вообразить. Собрав волю в кулак, я заставила себя успокоиться. Постепенно ушла дрожь из коленок, перестали дергаться пальцы, немного выровнялось сердцебиение. Я представила, как кубики идеального льда – полупрозрачного, правильного, чистого – касаются наливающейся тяжестью щеки и снимают боль, стирают грязь, смывают обиду. Мысленно бросившись в целую ванну изо льда, я почувствовала, как спасительный холод исцеляет раны тела и души.

Я замерзла, зато почувствовала себя намного лучше. Повернувшись к уродливым толстозадям младенцам с крыльями, я позволила своей темной стороне на пару минут вырваться на волю. Под прицелом камер наблюдения я плюнула под ворота и от души пожелала зла:

– Будь проклято это место. Будь проклято все, что тебе, брат, здесь дорого. Будь прокляты дни, что проведешь ты здесь...

Ночной поезд возвращал меня в столицу, мелькающие за окном огоньки манили очарованием неизвестности. Где-то там, рядом с этими огоньками, люди любили друг друга, растили детей, радовались жизни. А в моей голове древний

инстинкт прятал воспоминания о счастливом детстве. Прятал поглубже и подальше. Теперь думать о мудром Каа без боли будет невозможно. Лучше вообще никогда о нем не думать...

14. Три ищейки

Женщины определенно куда более сильный пол. Полностью вымотанная ужасной поездкой, я мечтала только о том, что залезу в кровать и спокойно отосплюсь. Но Кирилл взялся продемонстрировать мне свою заботу по полной программе. Сначала он держал холодный компресс у моего лица и уговаривал меня отправиться к его отцу, который, оказывается, врач. Потом он выражал свое негодование и грозился убить моего брата-подлеца. Спустя два часа переживаний вокруг моего заплывшего глаза я уже не очень понимала – это мне больно или ему? Когда любимый отчалил на важное редакционное совещание, я вздохнула с облегчением, но ненадолго.

Запиликал телефон. Городской.

Плюющаяся раздражением трубка поведала, что, оказывается, менты, расследующие убийство Одоевского, хотели меня видеть еще вчера. Сегодня же коротко изложенный ультиматум Бирмана сводился к двум возможностям: или я приезжаю к нему сама сейчас же, или меня привозят к нему в наручниках и под конвоем.

Я поехала в ментовку на такси. Хотя подремала, пока авто тащилось по пробкам остывающего после лета города.

Бирман и те же двое его коллег – великан и очкарик –

встретили меня с явным и живым интересом. Тщательно замазанный синяк, увы, просвечивал сквозь слои тонального крема и пудры. Глаз оставался опухшим. И что они на меня уставились? Мой вид как нельзя лучше подходил к обстановке их жалкого кабинета.

На этот раз я вовремя прислушалась и запомнила, что верзилу зовут Владом, а очкарика – Колей. И при более пристальном рассмотрении очкарик оказался совсем не хлюпиком. Скорее он сознательно создавал такое представление о себе.

После формального заполнения бумажек, Бирман счел нужным осведомиться:

- Маргарита Евгеньевна, что с вами случилось?
- Давайте просто Рита. И ничего не случилось. Упала.
- Случайно наткнулись на чей-то кулак и не удержались на ногах?

- Вы торопились задать мне какие-то вопросы.
- Если на вас напали, это может иметь отношение к делу.
- Но это не имеет отношения к делу. Мы приступим?

И мы приступили. Бирман внешне был спокоен, но я чувствовала, что он злится. Причин я не понимала, и было неприятно осознавать, что точкой слива раздражения оказалась именно я. Он задавал вопросы коротко и резко, и я, подчинившись заданному ритму, стала отвечать в том же стиле. Поначалу откровенность вопросов меня смущала, но, в конце концов, зачем врать там, где можно этого не делать?

– Рита, вы были хорошо знакомы с Павлом Васильевичем Одоевским?

– Сейчас я бы так не сказала.

– Вы состояли в интимных отношениях?

– Да. Около полугода.

– Когда эти отношения начались?

– Примерно семь лет назад.

– Как вы познакомились?

– Павел Васильевич был другом отца и часто бывал у нас дома.

– Вы знали о том, что он занимается сутенерством?

– Сначала нет. Потом – да, знала.

– Каким образом вы об этом узнали?

– Случайно зашла в его «Школу здоровья» в неподходящий момент.

– Вы оказывали интимные услуги в этой «школе»?

– Нет.

– Одоевский склонял вас к занятиям проституцией?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я была его девочкой. Только для него одного.

– Почему вы расстались?

– Я ему надоела.

– Почему он не взял вас в свою школу?

– Считал, что я дешевка и не дотягиваю до уровня его

нимф.

- Что, прямо вот так и сказал?
- Примерно.
- Вы затаили на него обиду?
- Сначала да, потом я поняла, что он прав.
- Вы тогда же решили ему отомстить?
- Нет, я вообще не решала ему мстить.
- Вы испытывали к нему романтические чувства?
- Нет.
- Вы поддерживали отношения все это время?
- Нет. Случайно встречались пару раз.
- Зачем же вы приехали к нему домой?
- Я хотела поговорить с ним о своей матери.
- Вы заранее договорились о встрече?
- Да. Я позвонила ему, и он сам назначил день и время.
- Кто-нибудь еще знал о ваших планах?
- Я никому не говорила, а о нем не знаю.
- Что именно вы хотели знать о своей матери?
- Полагаю, это не имеет отношения к делу.
- И все же?
- Я – приемный ребенок и собираю информацию об обстоятельствах своего усыновления. Одоевский знал и отца, и маму, поэтому я надеялась, что он сможет вспомнить что-нибудь такое, что мне еще неизвестно.
- Почему он назначил встречу у себя дома?
- Потому что он все встречи там назначал.

– Почему, обнаружив труп, вы не сразу позвонили в службу спасения?

– Нет, позвонила я как раз сразу. Я не сразу его нашла. До этого я ни разу не бывала в этой квартире, поэтому обходила все комнаты подряд.

– Вы никого больше не видели в квартире?

– Нет.

– Одоевский не упоминал о другой особой встрече?

– Нет, и вряд ли он стал бы это делать.

– Вы знали о черной лестнице в особняке?

– В старом здании такая была. Но в этом – нет, не знала.

– Со двора по черной лестнице можно попасть в квартиру Одоевского напрямую. Вы знали о такой возможности?

– Нет. Я как-то не думала. Хотя такое решение представляется разумным.

– Вы трогали что-либо в квартире?

– Старалась этого не делать.

– Нам нужны будут ваши отпечатки пальцев.

– Хорошо.

– Вы встречались с кем-нибудь еще в то утро?

– Нет. Я сразу поехала прямо на встречу.

– А что вы делали накануне?

– Днем убирала квартиру. Вечером ничего не делала.

– Ваш приятель Кирилл Весенин сообщил, что вернулся в тот вечер очень поздно, к полуночи. Это так?

– Да, он был на собрании редакционного совета. Его жур-

нал поменял владельца, и есть предположения, что направление публикаций изменится. Кирилл всю ту неделю каждый день до полуночи штаны в редакции протирал.

– Елена Афанасьевна Весенина – мать Кирилла – утверждает, что дважды приходила к вам в тот вечер и подолгу звонила в дверь, но вы так ей и не открыли.

– Я выходила на полчаса. Мусор вынесла, по улице прогулялась.

– Елена Афанасьевна приходила с разницей в полтора часа и во второй визит пробыла рядом с домом, поджидая вас, не меньше часа. Получается, вас немного дольше не было дома.

– Возможно.

– Что ж, давайте вернемся к тому моменту, когда вы увидели тело...

Вокруг подробностей обнаружения трупа мы сделали три тура словесного вальса. Вопросы мне теперь задавала вся троица ментов по очереди. То перескакивая с предмета на предмет, то последовательно долбя в один вопрос, то сбивая меня на полуслове, то выдерживая длинные паузы, оперативники гоняли меня по апартаментам Одоевского, время от времени ловя на неточностях и оговорках. Общий смысл разговора сводился к тому, что это я еще вечером четко и аккуратно перерезала горло Павлу Васильевичу, а затем спокойно ушла, чтобы наутро найти его труп. В этом был один

плюс: похоже, они и не подозревали, что я убитого страдальца еще и ограбила.

Мне было сложно сориентироваться, сколько прошло времени, казалось, что несколько часов, но менты держались все так же непринужденно, и я пыталась не обращать внимания на нарастающую головную боль до последнего. Однако в какой-то момент поняла, что не могу говорить. И вместо ответа на вопрос просипела:

– Дайте мне воды, пожалуйста.

Троица следователей переглянулась:

– Что, простите?

– Можно мне попить? Обычной воды. Хотя бы пару глотков.

Воспользовавшись паузой, пока великан отправился куда-то за водой (и путь, видимо, оказался не близким), я порылась в сумке и под настороженными взглядами оперативников добыла таблетку. Пр продемонстрировав ее ментам, я решила сдохнуть:

– Молодильное яблочко. Сейчас съем и буду как новенькая.

Бирман скривился одним уголком рта, и я поняла, что меня вот-вот повяжут за употребление наркотических средств. Ау, кто-нибудь, отключите дебильное устройство для шуток у меня в мозгах, пока у кого-нибудь из ментов тормоза не отказали.

– Простите. Это нурофен. У меня голова болит.

Подоспел Влад со стаканом воды. Я сделала пару глотков, и Бирман протянул мне пачку бумаги:

– Рита, вам нужно это подписать. – И добавил, словно тоже не мог отключить чертика в мозговой табакерке. – Все же, простите, но мне крайне сложно поверить, что Одоевский выпустил из рук девочку, не пропустив ее через свою «Школу».

Темно-серые глаза были абсолютно уверены в том, кто я есть. И даже выгравировали это нехорошее слово у меня на лбу.

Мне вдруг стало весело. К полному недоумению Бирмана я прыснула, а потом постаралась объяснить:

– Вот представьте. У вас есть друг. Старый, но очень успешный друг, которому все само плывет в руки. У него красивая жена, престижная работа и народная слава. А вы как сидели, хоть и по уши в деньгах, но ровно по те же уши в дерьме, так и сидите. Дружба дружбой, а зависть растет и колосится. И тут – бац! Вам в руки попадает дочурка этого друга. Молоденькая, хорошенькая и наивная. Вот он, заветный миг реванша – придти к другу и мимоходом бросить: «Кстати, я тут живу с твоей малышкой. Ты уж извини».

– Я обойдусь без таких представлений.

– А друг считает, что нет ничего страшного в том, что за девочкой присмотрит его старый товарищ. Более того, он осторожно намекает на то, что товарищ прямо-таки обязан присматривать за девочкой и дальше. Вывести в свет, выдать

замуж за приличного человека. Такой облом. Вы бы вот что сделали?

– У меня нет таких друзей.

– Счастье ваше. А вот Одоевский выбросил меня обратно на улицу.

Я протянула Бирману подписанные листы и встала. Он сложил бумаги в папку и сухо попрощался. Уже у двери меня догнал еще один вопрос:

– Рита, вы сказали – *обратно* на улицу?

– Я ушла из дома незадолго до выпускных экзаменов. Лето перекапталась, а потом заболела, попала в больницу. Выписалась уже осенью. На улице дождь, холодно, а мне деваться некуда. Павел Васильевич за мной приехал, сказал, что я могу пожить у него. Я и не поняла, чего он хочет. А как солнышко по весне пригрело, он меня за порог вывел и сказал, что я могу катиться на все четыре стороны.

– И вам не хотелось его убить?

– Да нет. Он по-своему был добр ко мне.

Кто-то из ментов тихо выругался. И я малодушно сбежала. Отношения с Одоевским я всегда рассматривала как приключение, путешествие в мир эротики. Восторгаться было нечем, но и зла на Павла Васильевича я не держала. Почему-то со стороны все воспринималось иначе...

Что и как рассказать об Одоевском Кириллу? Надо ли? Промолчать, ясное дело, проще, но не всплывет ли что-нибудь эдакое, когда будет слишком поздно для признаний?

15. Любoвный oмyт

Семейные тайны оставались тайнами. Денек отдохнув, я продолжила свои поиски входа в подземелье со скелетами.

Мумия, о которой толковала мне Лидия Борисовна, оказалась бодрой бабушкой восьмидесяти с чем-то лет, поборницей права пожилых на полноценную жизнь. Бабушка направила меня к другой бабушке, которая, в свою очередь, свела меня со своей подругой, от которой я узнала о другой подруге, которая работала где-то в недрах народного образования и была в курсе одной печальной истории, связанной с моей матерью.

Проделав все эти путешествия по «дому, где живут подружки и бабушки», я, в конце концов, оказалась в приемной Софьи Руденко.

И здесь оказалось достаточно произнести имя матери, как слова полились рекой. История оказалась драматичной, хотя и недосказанной в деталях.

Софочка Руденко была уже заслуженным педагогом с солидным стажем. Правительственная награда и радужные карьерные перспективы оставляли мало времени на личную жизнь. После двух крушений семейных лодок Софочка не хотела рисковать, но тут в ее жизнь ворвался Мурад.

Софья всегда считала, что ее тип – это голубоглазые блондины, поэтому внезапный интерес к ней со стороны жгуче-

го брюнета казался странным, тем более что азербайджанец был моложе Софочки на пятнадцать лет. Но устоять оказалось решительно невозможно, и вскоре парочка зажила вместе, благо трехкомнатная квартира, доставшаяся Софье от второго мужа, позволяла разместить любовника. Дети Софьи оканчивали школу и в материнской опеке не нуждались, учительская лямка и работа на благо всеобщего образования давно приелись. Софья поняла, что настало время пожить в свое удовольствие. Примерно год все складывалось волшебным образом. Мурад был обаятелен, внимателен и все время говорил Софочке о любви.

Незадолго до очередного Нового года в комитет образования, которым руководила Софья, пришла работать Маша Рогальская. Уверенная в себе, но без явных карьерных амбиций Маша быстро завоевала доверие начальницы. Женщины сблизились и даже начали общаться вне работы.

В праздник Маша пригласила весь женский коллектив к себе в гости, и все с легкой завистью обнаружили, что у новой методистки очень интересный муж, к тому же гладко говорящий о каких-то умных вещах так, словно каждая из женщин может их понять. Это автоматическое вознесение собеседника до собственной интеллектуальной высоты позволило Жене моментально стать душой коллектива. Еще больше очков Евгений получил, когда стало понятно – легкий флирт он допускает, но жену боготворит и даже мысли о возможности измены не допускает.

Шоком оказалось то, что этому чудо-мужчине может изменять жена. Первые признаки неверности Маши Софья обнаружила уже в январе. Маша ближе к вечеру отвечала на телефонные звонки, рассказывая о своих планах на вечер. А на вопросы о том, кто звонит, неловко отшучивалась. Несколько раз, отпросившись пораньше, Маша уходила в неизвестность. Софья специально звонила Жене, чтобы удостовериться – подруга гуляет от мужа.

Попытка решительного разговора провалилась. Маша все отрицала и даже сгоряча обвинила начальницу в том, что та сует нос не в свои дела. Софочка обиделась и почти месяц женщины разговаривали только в официальном ключе. Но потом Маша, не выдержав, призналась, что за ней ухаживает другой мужчина. Она пока еще не сдалась, но близка к измене как никогда раньше. И муж, и этот другой без ума от нее, а она никак не может выбрать, с кем быть. Женечка был идеальным мужем, но тот, другой, был влюблен, романтичен и жаждал ее ответной страсти.

Софья была настроена решительно. Муж – и только он – может составить счастье Маши, с потенциальным любовником надо порвать, как можно быстрее. Нельзя обманывать идеального Женю, нельзя ставить под угрозу столь крепкий и счастливый брак. И если надо, Софочка поможет младшей подруге всем сердцем, всей душой.

Я задумчиво слушала излияния пожилой и немного воинственной женщины со смешанными чувствами. В историях

про маму было столько страстей. Но никто не помнил о маленьких детях. Немного невпопад я спросила:

– А вы не помните, у Маши и Жени были дети?

– Да, вроде был ребенок, мальчик лет шести, но я его ни разу не видела, он все время жил у бабушки. Маша считала, что ему лучше расти в деревне, на воздухе. Она не слишком о нем волновалась.

– Только один ребенок?

– Да, точно один.

А где же тогда был Акела? Если его усыновили вместе с Костей, то почему о нем никто не знал? И кто такая эта деревенская бабушка? Вроде бабушки-дедушки по маме и отцу умерли еще до нашего рождения. Так откуда взялась еще какая-то бабушка? И где находится эта загадочная деревня, куда сплавляли маленького Костю?..

Софочка между тем приблизилась к развязке драмы. За напряженной весной и спокойным летом пришла осень и День учителя. Именно в этот день все и случилось.

Праздник удался на славу. Хотя в стране и царила эпоха дефицита, стол удалось собрать очень приличный. А Мурад принес несколько бутылок вина и коньяка, так что все веселились на полную катушку. Маша и Мурад встречались на таких сборищах и раньше. Но только в тот день Софья вдруг почувствовала уколы ревности, глядя как подруга бесцеремонно кладет руку на плечо ее возлюбленного, а Мурад

обнимает ее за талию, словно случайно соскальзывая рукой ниже.

Отгоняя дурные мысли, Софья занималась организацией небольшого представления, после которого обнаружила, что ни Мурада, ни Маши нет в зале. Она застала их прямо на подоконнике окна на запасной лестнице. Мурад энергично обнимал разгорячённую Машу, забыв про все обеты любви и нежности. Софья закричала, но парочке было все равно. Они остановились только после того, как тела синхронно сотряслись в финальной конвульсии.

Мда... Вероятно, Софочка никогда не видела сексуально-го акта со стороны, и неприличное зрелище в неожиданном месте вызвало у неё естественный чувственный отклик. Увы, вряд ли она могла правильно разобраться в реакциях своего тела.

– Вы расстались с Мурадом?

– Да.

Из глаз Софьи потекли обильные слезы, и она всхлипнула совсем по-детски, словно маленькая девочка, уронившая мишку на пол.

– Я устроила тогда жуткий скандал. Кричала, что не люблю его, и что он может убираться на все четыре стороны. Он плакал, умолял простить, даже на коленях стоял. Говорил, что на него затмение нашло, что он выпил лишнего. Но я была непреклонна. Выставила его. А он ушел и не вернулся. Пропал.

– Как это пропал?

– Исчез. Последний раз его видели на Крымском мосту. В милиции сказали, что он, скорее всего, покончил с собой, бросившись в реку. А тело могло унести далеко и вряд ли его когда-нибудь найдут.

– Он оставил записку?

– Нет. Но он сложил все свои вещи, как если бы собирался уехать. И сверху положил мою книгу – стихи Цветаевой. Я подарила ему незадолго перед этим.

– А что Маша?

– Да ничего. Пришлось ей, конечно, уволиться. Напоследок она свою гнилую натуру всем показала. Сказала, что любой мужик ради ее юбки на все пойдет. И никто из нас, пошлых обывательниц, не сможет его удержать.

– А ее муж?

– Не знаю. Я его больше не видела.

– А вы не припомните точно, куда именно она перевелась?

– Кажется, в министерство, но я не уверена.

Софья так и не спросила меня, кто я такая и почему интересуюсь адюльтерами двадцатилетней давности.

Но я почему-то была уверена, что Софья сделала в своих выводах роковую ошибку. Мурад вовсе не был тем любовником, о котором рассказывала ей Маша. Постоянные любовники устраивают спокойные свидания наедине, подальше от чужих глаз. А любовь на подоконнике, скорее, была

спонтанной выходкой, неожиданной реакцией двух взведенных страстью людей. Мурад заплатил слишком высокую цену за темперамент и выпивку. А у мамы не было возможности что-либо объяснить подруге. Да и можно ли было что-то объяснить?

Я попыталась поставить себя на место Маши Рогальской. Есть надежный муж, которого все женщины вокруг считают идеальным. Есть любовник, ну или претендент на роль главного любовника – обольстительно-неотразимый герой. И красивая женщина мечется между ними, выбирая то стену, за которой жить, то страсть, без которой не жить. Куда в этом пасьянсе разложить еще и Мурада? Может, мама пыталась сбежать от обоих надоевших персонажей? Хотела откусить еще один запретный плод?

Почему нежный образ мамы, хранимый в моем сердце, так явно и пугающе не совпадает с тем, какой ее видели другие люди?

16. Милый дом

Слабая утроба резко исторгла на белый свет хилое дитя со сморщенным личиком и кривыми ножками. Неловко перехваченный ребенок издал тихий всхлип. Полный боли взгляд роженицы на мгновение уставился в мутные глаза ребенка, затем равнодушно скользнул дальше. Внимания удостоилось местечко между ног младенца – миру явилась новая утроба для продолжения рода человеческого. Сам этот факт оскорбил вселенную новой матери. Она ненавидела девочек в принципе. И жалкое синее существо поставило крест на ее мечтах о сыне. О мальчике. О мужчине, которого можно будет возвести на алтарь нерастраченных чувств и отдать всю себя в жертву ненасытному мужскому существу...

Кирилл разбудил меня где-то глубоко в ночи, сказал, что я стонала во сне. Он крепко прижал меня к себе и стал тихонько укачивать, шепча какие-то глупости. Ясное дело, я тут же размякла, словно кусочек хлеба под дождем. А утром оказалось крайне сложным восстановить образы из сна. Кто была эта роженица? Моя биологическая мать? Или все же другая женщина? Я не могла вспомнить ее лица, и в то же время была уверена, что, даже вспомнив, я могу его и не узнать, как не узнала во сне. Чье рождение я видела? Неужели свое? Это меня отвергли только из-за того, что я родилась девоч-

кой? Или это был другой ребенок? Почему видение пришло сегодня? Потому что я настроилась на раскапывание семейных историй?

Кто-нибудь знает ответы?..

Вечером у меня было запланировано шоу «Фея кулинарных чудес». Белый фартучек с ярким красно-желтым узором должен был отвлечь Кирилла от того прискорбного факта, что готовить в действительности я не умею. Совсем. И простые блюда, и разные изыски вроде соусов, обжарок-пропарок, маринадов и приправ, часто составляющих изюминку разных блюд, для меня как темный лес. Точнее даже, как глубокое горное ущелье. Потому что в темный лес я при необходимости зайду и даже не сильно испугаюсь. А вот прыгнуть с высоты даже при условии наличия парашюта будет для меня испытанием не из простых.

Фартучек справился со своей задачей, и романтическое настроение любимого я попыталась превратить в авантюристическое. Подсунув ему тарелку с мороженым, я словно невзначай спросила:

– Я хочу домой к отцу попасть. Поможешь мне немножко?

Карие глаза спокойно улыбнулись, подтверждая, что сейчас их обладатель готов на все. Но мозги, стряхивая с себя любовный флер, все же поинтересовались:

– Ты хочешь что-то тяжелое прихватить?

– Да нет, порыться в отцовских бумагах. Уточнить кое-что о маме. Может, что интересное о себе найти.

– Втихаря, что ли?

– Скажем так: тихо и незаметно.

– Дверь взламывать придется?

– Нет, конечно, у меня ключи есть. Если уж отец за последние десять лет не удосужился замки поменять, вряд ли он сейчас занялся этой проблемой.

– Почему ты одна не хочешь туда идти?

– Боязно как-то.

Кирилл перекатился по кровати и подсунул мне под нос полную ложку растаявшей сладкой жижи. Измазав мороженым мой рот, нос и щеки, он веселым тоном спросил нечто совсем невеселое:

– Слушай, я не понимаю твоего заискивания перед отцом. Он что, бил тебя?

– Нет, что ты. Так приличные люди не поступают.

– Прости, что такое говорю, но, может, он обозначил свой интерес к тебе как к девушке, женщине?

Наверное, у меня сделалось очень дурацкое выражение лица, потому что Кирилл улыбнулся, покачав головой:

– Ясно, нет. Надеюсь, я не слишком шокировал тебя, предположив такое. Прости.

– Ты его не знаешь. Он – фанат одной женщины. Моей мамы. Думаю, отец смутно догадывается, что другие женщины существуют, но вряд ли рассматривает даже возможность отношений с кем-то кроме нее.

– Он еще не старый мужик. Да и видный такой. Неужели

какой-никакой юбчонки рядом не крутится? Может, он это не афиширует, поэтому ты и не знаешь.

– Может, ты и прав. Но мне сложно это представить.

Кирилл сделал стойку на голове, но не удержался на мягкой опоре и плюхнулся на пятую точку. Отдышавшись, он спросил:

– И когда мы штурмуем твердыню твоего отчего дома?

– До конца недели. Пока папа уехал в Саратов на семинар.

– А-а, то есть нам не грозит встретить грозного родителя с обрезом наперерез? Тогда что ты дрожишь как осиновый лист?

Я не знала, что ответить. Мне казалось, что я уже изжила в себе ужас тех нескольких дней, когда моя тихая и размеренная жизнь превратилась в кошмар наяву. Но, оказывается, мой страх был слишком хорошо замечен. На самом деле я боялась не самого отца, уж теперь-то он ничего не мог мне сделать. Я боялась отца как реальное воплощение силы, уничтожающей твои планы на завтра, на весь следующий год, а позже оказывается, что и на всю жизнь.

И все же язык у меня не повернулся рассказать Кириллу о том, как отец выставил меня из дома. Это влекло бы за собой рассказы о том, что последовало дальше.

Мой любимый журналист между тем углубился в проблему с профессиональным рвением:

– Слушай, а ты ведь прописана там, у отца?

– Не знаю. Я не выписывалась.

– А квартира приватизирована?

– Да, давно. Но я точно знаю, что все оформлено на отца. В самом начале можно было не вписывать детей, так что меня там не стояло.

– Но если тебя не выписали, у тебя есть законное право проживания. И уж тем более ты можешь войти в квартиру в любое время – есть там твой отец или нет.

– Если я попытаюсь это сделать без его разрешения, это точно спровоцирует его решить все вопросы с моей выпиской и заменой замков.

– Ладно. Не буду спорить. Поиграем в Холмса и Ватсона завтра после обеда.

Родной дом встретил меня стерильностью и равнодушием. Я ни разу не слышала, чтобы у отца была домработница или приходящая уборщица, но только сейчас я осознала, что привычная чистота – результат чьего-то труда. И труд этот наверняка выполняла женщина. Постоянно бывающая рядом с отцом женщина. Определенно, Кирилл прав в том, что я слишком уж слеую однажды сложившимся представлениям. Может, все совсем не так, как кажется.

В типовой квартирке было три комнаты. Родители получили жилье в те времена, когда семье с тремя детьми государство оказывало поддержку квадратными метрами. Самая большая комната сначала была детской, но после того, как старшие птенчики вылетели из родительского гнезда, отец

произвел рокировку. Ему потребовалось больше пространства для творчества, и я переселилась в бывшую спальню родителей. После моего ухода из дома мои девять метров стали чем-то вроде гостевой комнаты, где останавливались разные соратники и коллеги отца, приезжавшие на столичные мероприятия из самых разных мест земного шара.

Финансовый успех, снизошедший на отца, решившего издавать свои мысли об устройстве мира, трансформировался в шикарный кабинет, который был бы более уместен в каком-нибудь старинном английском замке. Дубовые настенные панели, книжные шкафы, занимающие всю стену от пола до полка, массивный стол на резных ножках – так и напрашивались в этот интерьер лорды и сэры в сюртуках и цилиндрах. Впечатление портил сравнительно низкий потолок типовой многоэтажки и пейзаж за окном: серый московский двор с грязной детской площадкой слишком уж диссонировал с великолепием дорогого кабинета.

Я застала только самое начало работ по проектированию рабочего пространства отца. И несколько лет назад, попав впервые в законченный кабинет, испытала благоговейный восторг от получившейся торжественной красоты. Но потом жизнь занесла меня в другие кабинеты, и тогда я поняла, что созданное отцом чудо было не более чем грубым подражанием. Качество работ по дереву, да и само состояние исходного сырья оставляло желать лучшего, конструкция полок и наполнение шкафов были тупо скопированы с какого-то

журнала и от этого оказались неудобными, заметные потеки лака создавали ощущение неаккуратности и грязи. Не знаю, понимал ли отец, что, несмотря на кучу вgroханных в кабинет денег, результат оказался посредственным. Или я слишком пристрастна?

На рабочем столе стояла большая фотография, на которой отец и мама обнимались с тем самым мужчиной, что был на одном из моих детских снимков. Но на несколько лет раньше. Отец и его приятель казались зелеными юнцами, а мама была стройной девушкой, хотя, пожалуй, и тогда в ней было все, что позже сводило сильный пол с ума. УчИтывая, что в кабинете было одно-единственное фото моих братьев размером 10x15, да и то, стоящее за стеклом шкафа, максимально далекого от стола, а я и вовсе не удостоилась изображения, фото троИцы много значило для отца. И кто же этот загадочный третий?

Я решительно раздраконила рамку и вытащила хрупкий черно-белый снимок. На обороте стояла короткая кривая надпись: «Маше и Жене на память». И чуть ниже размашисто подпись: Frend. Будто слабо было написать имя, фамилию, отчество, дату рождения, адрес и как связаться лет через -цать.

Осторожно собрав обратно рамку и водрузив ее на место, я приступила к обыску книжных шкафов. Одна из секций была заполнена папками и коробками с документами. Отец поддерживал идеальный порядок во всех бумагах, каж-

дая коробка была аккуратно подписана с помощью распечатанного ярлычка. Оставалось надеяться, что отец не додумался прятать семейные секреты под каким-нибудь неподходящим названием вроде «Материалы к конференции МАКТОБ». Ведь с первого взгляда понятно, что «мактоб» – совершенно точно не то, что надо. Но если нужно кого-нибудь запутать, ничего лучше «мактоба» и не придумаешь.

И все же отцу, видимо, не приходило в голову что-либо прятать. На верхней полке в углу я обнаружила три папки с надписями «Домашний архив», «Дети» и «Семейное фото».

Первые две папки содержали кучу ксерокопий разных житейских бумаг. Некоторые, как например, свидетельство о браке родителей, казались интересными, но в действительности были не более, чем просто документами. Другие, с виду скучные, добавляли к уже известным мне сведениям достоверности. Страницы из трудовой книжки мамы поведали мне о ее работе в разных образовательных инстанциях, подтверждая сам факт ее трудоустройства в конкретных местах в конкретные годы. Но ничего нового увидеть между строк мне не удалось.

Семейные фотографии были аккуратно разложены по датам, темам, местам. Бегло просмотрев часть фоток, я нашла конверт с наклонной надписью «frend».

Два обнимающихся пацана лет по десять-одиннадцать. Два старшеклассника в школьной форме. Два парня с од-

ной девушкой у моря. Двое мужчин в костюмах возле одной невесты. Двое мужчин и одна женщина с группой детишек. Двое мужчин и одна женщина на выставке картин...

Двое мужчин, скорбно склонивших головы возле одной могилы... Таких снимков оказалось два. На обороте одного стояла пометка отцовским почерком: «2 экз. для F».

Мысль напрашивалась сама по себе. Если и был в отношениях мамы и отца кто-то третий, то лучше всего на эту роль вписывался Френд.

Рядом с отцом Френд казался слишком простым и неказистым. Отец уже в юности выглядел аристократично и благородно. Даже в шортах и майке. А его друг и в парадном костюме казался работягой, забежавшим на снимок с соседней стройплощадки. Я вглядывалась в снимок и пыталась представить, какими они были, когда собирались все вместе.

Вот мой правильный отец. Надежный, организованный, спокойный. На него можно положиться, ему можно довериться. Он ухаживает по правилам, он романтичен, он нравится людям, он верен и послушен. Идеальный муж.

Но есть другой. По принципу притяжения противоположностей он груб, не признает правил, не верит в идеалы и заповеди. Но в то же время он обаятелен, его или ненавидят, или обожают. Невозможный муж, но страстный любовник?

Чем ты приворожила их обоих, мама? И почему Френд исчез из твоей жизни за несколько лет до твоей гибели? Хотя приехал на твои похороны и, судя по фоткам, твоя смерть

была для него потрясением. Ты любила их обоих? Тогда зачем, зачем сбивала с пути истинного других: Васю, Мурада да и остальных, ведь, скорее всего, этими двумя эпизодами твои похождения не исчерпывались?

Frend – по-английски «друг». С одной стороны, понятно, что тот, кого называли Френдом, явно был другом семьи, а может, и по отдельности родителей, хотя и в несколько разных смыслах. Но, может, прозвище основано на созвучии с именем-фамилией? Френд почти тоже самое, что и Федор или Федоров, например.

Забрав одну из фотографий с похорон, остальные я максимально аккуратно сложила обратно. Незачем давать отцу повод обвинить меня в явном криминале. Устроившись за помпезным столом, я внимательно пролистала толстую телефонную книгу. Отец педантично вписывал в нее все свои контакты полностью. Сделал бы он исключение для Френда? Может, и для телефона он воспользовался таким же обозначением?

Увы, в телефонной книге не было ни одного Френда, зато обнаружилось семь Федоров. Трех можно было не считать, поскольку это были дети издательских работников. Кто-то из оставшихся мог быть загадочным Френдом, а мог и не быть им. Никаких упоминаний Френда я не нашла и в здоровом адресном справочнике, найденном в нижнем ящике стола. Сами ящики представляли собой все такой же образцовый склад накопленных за жизнь вещей. Впе-

чатляла коллекция корочек, начиная с партийного билета КПСС и заканчивая сувенирной книжицей «Члена приличного общества». А вот собрание значков разочаровывало: сплошное «Будь успешным» и «За мной в светлое будущее».

Кто такой Френд и как его найти, я так и не узнала.

Кирилл закрыл за мной дверь квартиры. Я благодарно улыбнулась ему и охотно подставила губы под сладкий долгий поцелуй. Но где-то внутри моей головы уже шла работа по планированию звонков и визитов на ближайшее время. Кто-то из старых друзей родителей расскажет мне, кто такой Френд. Пусть посмеются над маленькой бестолковой неудачницей Ритой или позлорадствуют над досадной оплошностью в жизни Рогальского – его бестолковой дочкой. Главное – пусть болтают. А слушать я умею.

17. Тупики и стены

Тернопольскую я достать не сумела. Великая Ариадна отключила закрытый экстренный телефон, по которому я звала ее в больницу к Осинке. Пресс-секретарь вежливо попросил меня не беспокоить звезду, так как та сильно занята подготовкой очередной раздачи подачек для своих протеже, замаскированной под фестиваль песни и актерского мастерства.

Семен Павлович Орехов – теперь продюсер и режиссер, выросший из мосфильмовского человека на побегушках, долго и обстоятельно излагал мне историю знакомства родителей, случайно встретившихся в Новом Афоне, возле знаменитых пещер. Он помнил, что у папы был друг по прозвищу Френд, и даже поделился запутанной историей о несчастном диссиденте, пытавшемся публиковать разоблачающие власть статьи, и оттого вынужденного эмигрировать в Штаты.

Дина Аркадьевна Штайн – строгая редактор в издательстве, вспомнила, что отец действительно дружил в юности с каким-то «товарищем», но кто был этот товарищ и как его звали, припомнить не могла. Зато вспомнила, что Френд был вынужден покинуть Россию из-за родни в Америке. Какая-то больная старушка мечтала умереть на руках давно потерянного двоюродного племянника.

Тарас Мыколаевич Кулебяка – прежде квартирный маклер, а теперь директор агентства недвижимости, оказался более памятливым. Он четко описал Френда, но имени-фамилии его не знал. По его словам, Френда всегда называли только так. Зато он поделился со мной уверенностью, что Френд был родственником отца. Они даже подшучивали друг над другом из-за этого. А потом Френд женился на американке и слинял на загнивающий запад. Все, конец дружбе.

Ирэн Подвалова – обычная челночница, теперь представляющая хозяйкой дорогого бутика, тоже сообщила мне причину, по которой Френд исчез из жизни родителей. Вроде бы он эмигрировал в Штаты, решив сменить замшелый советский НИИ на заморский университет. Френду не давали на родине развернуться с научными экспериментами, и он отчалил к далеким берегам.

Костя Мармеладов – маркетолог, зарабатывающий на впаривании лохам сложных таблиц и графиков, выдал мне свою версию бегства Френда. С его слов, талантливый режиссер Френд был лишен на родине возможности ставить свои гениальные фильмы, а потому улетел в заокеанские дали за Оскаром.

И так далее. И тому подобное. Никаких сведений о настоящем имени Френда. Зато полтора десятка версий, почему Френд оказался в Америке. И столько же мнений о том, чем эта загадочная личность занималась в жизни. Сплошные тупики.

Решив подойти к проблеме с другой стороны, очередным утром я отправилась на поиски сослуживцев мамы в министерстве. Вероятно, время, необходимое для проникновения в какие-либо кабинеты, является во вселенной некоей постоянной величиной. Сравнительная легкость моего проникновения в комитеты образования явно компенсировалась неприступностью министерства. Если районные кабинеты «главных по школам и училкам» сменили вывески, но остались на своих местах, то министерство пережило несколько слияний-разделений, переездов, расформирований и прочих передраг. Никаких обнадеживающих контактов, никаких старых теток, любящих посплетничать.

Единственной зацепкой стал выцыганенный у одной девочки из архива телефон заслуженной работницы отдела кадров – некоей Анны Ивановны, которая недавно вышла на пенсию, но до этого проработала во всех ипостасях министерства лет двадцать пять. Увы, милейшая по рассказам Анна Ивановна на деле оказалась весьма вредной старушкой. Со всем своим опытом общения с дамами преклонного возраста я так и не смогла ее уговорить на встречу. Уперлась в непроницаемую стену.

Наконец, и еще одна ниточка растворилась во времени, так и не давшись в руки. Мой визит к Косте казался не совсем напрасным. Брат выболтал мне информацию, добыть

которую самостоятельно я, вполне вероятно, и вовсе не сумела бы. Даже через пару лет хождения по кабинетам. А теперь я знала номер дома ребенка, в котором я была до усыновления. Увы, оказалось, что этот дом ребенка был сформирован несколько лет назад (видимо, тогда же Косте удалось заполучить наши документы). Обе дамы, руководившие заведением в интересующий меня отрезок времени, уже умерли.

Еще один тупик.

Бедный Минотавр, тяжело тебе было день за днем слоняться по лабиринту. А ты все же был внуком Гелиоса. Что же делать нам, простым смертным?

Очередной конец дня оказался совсем пустым и тоскливым. Кирилл взял меня на презентацию книги модной писательницы. Краткое содержание всего происходящего вполне выражали детские стишки «Дело было вечером, делать было нечего». Кирилл был в любимой роли птицы-говорюна. Переговорить его не смог даже пресс-секретарь депутата Думы. Я послушно изображала фею – нечто красивое, эфемерное, недостижимое и порядком глупое. Это последнее защищало меня от необходимости вступать в беседы.

Вместо еды предлагали малосимпатичные драные кусочки на палочках. Книгу о путешествии девочки-привидения в мир волшебных самолетиков и говорящих собачек я не читала. А услышав пару мнений о том, что эта сказка – «квинт-

эссенция авторского философского взгляда, консолидирующего солипсизм и сенсуализм», обрела уверенность, что и не буду читать. Зачем мне такие чужие приходы? Своей дури в голове хватает. Новое платье стерло мне кожу на талии слева каким-то дефектом на шве, и мои мысли свелись к тому, чтобы двигаться максимально осторожно, не тревожа ранку.

Уже в момент трогательного прощания с героиней вечера и хозяевами галереи, где происходило действие, я вдруг заметила девушку в обтягивающем кожаном топе. И вспомнила о человеке, у которого, возможно, есть список контактов отца примерно шестилетней давности. Причем список не формальный, а самый что ни на есть рабочий, актуальный. Идея снова встретится с Дориком не вызвала ничего, кроме стойкого подташнивания и иррационального чувства вины перед Кириллом. Но другого пути я не видела. Самый последний способ с получением информации от привязанного к стулу папы (миром дело точно не решить) отложим на потом.

В середине ночи, прикрывшись шумом душа, я позвонила гению компьютерных игр и договорилась, что завтра к нему заеду. Пришлось пообещать, что я привезу нечто такое, чего умудренный многолетней практикой извращений Дорик еще не видел. Боюсь, его изрядно шокирует то, что я намерена сделать.

18. Гейм овер

Я приехала к Дорику вечером, в опустившейся на город темноте осенней ночи. Что-то мелкое и мокрое сыпалось с небес, намекая прохожим, что в такое время нормальный хозяин и собаку на улицу не выгонит. Увы, люди – не собаки, и сами себя успешно гонят во мрак и холод. Я чапала от метро пешком вдоль мерзких длинных заборов промзоны, где и в дневное время мало кто отваживался бродить в одиночку. Но я не боялась ни бродячих собак, ни пьяных подростков: заведя меня издали собаки сворачивали и растворялись во тьме, а подростки спешили прикинуться паиньками и пройти мимо с максимальной вежливостью. Звериные инстинкты подводят нас только в цивилизованном обществе.

С Дориком меня мои собственные инстинкты подвели очень капитально.

Наш роман продолжался всего пять недель, хотя поначалу я была абсолютно уверена, что нашла отличную тихую гавань, в которой пришвартовалась надолго. Но не сложилось. После у Дорика было еще несколько романов, о которых до меня доходили невнятные слухи. Но сама я никогда не видела его с того момента, как однажды покинула его дом.

Квартира Дорика была убежищем убежденного холостяка и домоседа. Все краски мира он воспринимал одним единственным образом – с экранов своих дорогих мониторов.

Раньше у него их было три. Сколько было компов, я не знаю, но самым ценным из всех серваков и компов сам Дорик считал старенький ноутбук, с которым никогда не расставался. До тех пор, пока я не залила его вермишелевым супом.

Еще я не знала, живы ли у Дорика родители и кто они. Иногда мне казалось, что компьютерный фанат отпочковался от серверов и только по недоразумению оказался человеком. Забавно, но, при всей его любви к умным железкам, Дорика мало кто считал настоящим профи. Дорик собирал кривые конфигурации компов, которые не могли работать нормально. Он допускал дурацкие ошибки при программировании, из чистого упрямства отказываясь переделывать даже очевидные ляпы. Его нельзя было подпускать к сетям, потому что последствия оказывались обычно катастрофическими. Он грубил заказчикам и обзывал коллег. В целом, он жил только за счет того, что Москва – город большой, и всяких дураков в нем предостаточно.

Зато у него было два хобби, занимавших все его время. Одним были компьютерные игры: стрелялки, бродилки, квесты – все, что выпускалось и было модным в геймерской среде. А о втором хобби в приличном обществе обычно если и говорят, то только очень тихо и с полным отрицанием интереса к теме.

Вояж мой был напрасен. Поднявшись на площадку девятого этажа, я увидела приоткрытую дверь квартиры и поня-

ла – Дорик тоже мертв.

Заранее заткнув нос, я проскользнула внутрь квартиры. Дорик, залитый кровью из перерезанного горла, лежал поперек маленькой комнаты. Его руки и ноги были связаны. Голова, запрокинутая чуть вбок и вверх, пялилась остекленевшими глазами на древнюю паутину в верхнем углу прихожей.

Отведя глаза от мертвого тела, я быстро огляделась. В квартире за шесть лет почти ничего не изменилось. Обычная декорация к съемкам фильма в стиле хоррор. Обои местами отклеились и висели гирляндой ветхой бумаги. Грязные окна не пропускали свет, а, словно наоборот, поглощали его, превратившись в этакие хищные серые губки-светоеды. Давно не мытые полы напоминали нечто наспех и неаккуратно забетонированное, хотя изначально это был желтый линолеум.

Налюбовавшись разрухой (похоже, я была последней, кто делал здесь уборку), я обратила внимание на варварское разрушение драгоценных компьютеров Дорика. Из открытых системников была выдрана начинка. Куча разломанных винтов оказалась сложенной на кухне. Но неведомый злодей понятия не имел о тайных пристрастиях геймера.

Я схватила с полки в прихожей перчатки. Дорику они уже не понадобятся. Натянув их и бросившись в ванную комнату, я быстро отодвинула панель, закрывающую пространство под ванной. Кое-что и в этом мире не менялось нико-

гда. С трудом вытащив из-под ванны здоровую деревянную коробку, я скинула крышку и обомлела. Игрушек у Дорика явно прибавилось. И работы у меня тоже. Наскоро перебрав кое-как сложенные в коробке предметы, я все же нашла то, что искала, хотя форма и размер находки оказались для меня сюрпризом. Флешка в эксклюзивном оформлении едва влезла в мою немаленькую сумку. Хотелось сказать Дорику «Чтоб ты сдох», но, увы, теперь такое пожелание геймеру было кощунственным и бесполезным.

Добыв главную драгоценность Дорика, я немного успокоилась. И мое сознание услужливо развернуло перед моим мысленным взором картину убийства. Дорик сам впустил убийцу в квартиру. Сам предложил выпить, запустил какую-то новую игру. Сам предложил убийце интересное реалити-продолжение с веревками...

Нужно вызвать ментов. Вслед за этой мыслью я представила, что именно подумают менты, застав меня над еще теплым трупом. Кто-то очень ловко меня подставлял. Осознав это, я сбежала с места преступления быстрее.

Отдышавшись у ларька на ближайшем перекрестке и избавившись от перчаток, я решила все же удостовериться в своем предположении. Купив бутылку лимонада и печенье, я устроилась на детских качелях в соседнем с домом Дорика дворе. Оттуда мне хорошо был виден подъезд и даже окно кухни.

Менты появились через пять минут. Я бы не сказала, что

они торопились. Минут через пятнадцать приехали еще два экипажа. Судя по всему, это были эксперты. Когда я уже собралась уходить, к подъезду подкатила машина, из которой вылез высокий торопящийся мужчина. Бирман. Отлично, задержишься я всего чуть-чуть, меня ждала бы веселая ночь разговоров и, вероятно, новый экстремальный опыт – знакомство с тюремной камерой. Или куда там сажают предполагаемых преступников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.